

Лев Альтмарк

Утопи свои обиды

Современный
израильский триллер

Лев Альтмарк
Утопи свои обиды.
Современный
израильский триллер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21616970

ISBN 9785447438814

Аннотация

В основе романа история про то, как разведки нескольких стран охотятся за изобретениями репатрианта из России. Отставной полицейский, попавший в поле зрения российской разведки, для установления контакта с изобретателем привлекает своего друга-журналиста, от имени которого написан роман. В свою очередь американцы задействуют своего человека и местных арабов. Не остаются в стороне и израильские спецслужбы. Однако, проблема в том, что изобретатель живёт в поселении, куда посторонним не попасть...

Содержание

1	7
2	20
3	31
4	46
5	58
6	70
7	81
8	93
9	106
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Утопи свои обиды

Современный

израильский триллер

Лев Юрьевич Альтмарк

© Лев Юрьевич Альтмарк, 2016

ISBN 978-5-4474-3881-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Тонкий солнечный лучик осторожно скользил по белому пластику стола, словно ему было интересно выяснить, что это перед ним за прозрачная стеклянная посуда с тёмно-янтарной жидкостью внутри, которую сидящий за столом небритый тип в ссадинах, порезах и в несвежей выцветшей майке упорно переливает в низкий квадратный стакан толстого стекла и незамедлительно опрокидывает себе в горло.

Этим побитым молью типом был не кто иной, как ваш покорный слуга. Передо мной стояла литровая бутылка виски «Джек Даниэлс», которую я раньше позволить себе не мог из-за дороговизны, а сегодня она мне досталась от моего лучшего друга. Правда, не за красивые глазки. Такие подарки с бухты-барахты не получают. Утопить бы все наши печали на дне такой бутылки, а заодно сто лет не получать и таких

подарков, да только что теперь говорить...

А ведь не мешало бы всё вспомнить и привести в голову в порядок. Помню-то я на самом деле многое, но это совершенно другие, не относящиеся к делу вещи. Чтобы прояснить хотя бы приблизительный круг моих познаний, наверняка потребовалась бы не одна бутылка подобного благородного пойла, однако в данной ситуации никому и даром не нужны мои познания в языках, искусстве и литературе, мои взгляды на мир и окружающую действительность. На всё это окружающим плевать, как, впрочем, и на мою бесцветную, практически бесполезную личность. Всем вокруг и, в первую очередь, мне самому необходимо всего лишь разобраться в том, что происходило за последние несколько дней, и попытаться вычислить, кто оказался в выигрыше, а кто остался в дураках. Уж я-то точно ничего хорошего из всего этого не поймел...

Я поковырял ногтем этикетку на бутылке и решил подождать, пока виски станет поменьше, а в голове наступит благословенное состояние пьяной эйфории, – тогда хоть трава не расти, утопим все свои печали на дне этой квадратной бутылки... Всё равно ничего не изменить. Мёртвых не воскресить, а живые – да ну их...

Как мне всё надоело! Я с ненавистью посмотрел на свой сотовый телефон, который мирно дремал рядом со стаканом, но разбивать его не стал. А ведь как хочется...

Пусть лучше считают меня алкашом, которому только

этого и надо. Так спокойней и... Спокойней ли?

Я налил ещё полстакана благословенного «Джека Даниэlsa» и решительно поднёс к губам.

1

Израиль Сентябрь 2011

Когда я приехал в это небольшое поселение неподалеку от арабского города Хеврона, то нужный дом отыскался сразу. Его и искать особо не пришлось. Солдат, охраняющий ворота на въезде, едва поинтересовавшись, кто я такой, заученным жестом указал дорогу и махнул рукой, мол, проезжай, не морочь голову, много вас тут любопытных за последнее время появляется.

Заблудиться в поселении невозможно. Пару мощёных улиц, причудливым серпантинном завивающихся вокруг холмов, на которых расположено поселение, можно проскочить на машине буквально за десять минут, а потом с полной уверенностью сказать, что осмотрено всё и нет здесь для тебя больше ничего неисследованного.

Сразу из машины я вылезать не стал, а только выключил зажигание, приглушил приёмник и закурил сигарету. Хотелось ещё раз обдумать вчерашний разговор с Сашкой Гольдманом и решить, как всё-таки поступать.

С Сашкой мы старинные друзья. Примерно в одно время приехали в Израиль, изучали иврит в одном ульпане и первое время после окончания общались довольно близко. Я подался на компьютерные курсы осваивать новую для себя специ-

альность, а он, бывший милицейский опер, стал планомерно долбить полицию, чтобы продолжить свою любимую и опасную работу в нашем жарком климате. Сперва я интересовался его успехами, но, ясное дело, с первого раза ни одна стена не прошибается, и он носился на какие-то бесчисленные встречи и собеседования, сдавал экзамены и проваливал тесты, а в перерывах подрабатывал в местном спортивном клубе тренером по дзюдо. Со временем наши встречи стали реже, а потом, когда после долгих мытарств его, наконец, приняли в полицию, и вовсе прекратились. Зачем ему, спрашивается, терять время на бесполезное общение со мной, ведь курсы-то компьютерные я успешно закончил, а соответствующую работу так и не нашёл. У Сашки теперь полно дел в полиции, а я, пристроившись в захудалую фирму охранником, какой могу представлять для него интерес? О чём со мной сегодня говорить? То-то и оно. Разного мы с ним теперь полёта птички...

Долгие месяцы Сашка не подавал о себе ни слуха ни духа. Я на него не обижался – делает человек карьеру, удалось ему ухватить боженьку за помидоры, ну, и замечательно. Не водку же ему пить с такими неудачниками, как я. К тому же, общих тем у нас почти не осталось. Если честно, то мне глубоко по барабану новости из криминальной жизни Израиля, как, наверное, и ему вряд ли интересны мои литературные потуги и мизерные успехи, которые ещё как-то греют сердечко бедного, всеми позабытого-позаброшенного литератора-охран-

ника.

Объявился Сашка Гольдман неожиданно, позвонив мне по телефону и назначив встречу в одном из кафе в центре города. Кафе это носило странное название «Балагур» и, видимо, подразумевало задушевные беседы посетителей под чашечку кофе, бутылку пива и – что там у них ещё питейного в ассортименте? При этом тон Сашки был таким, будто мы общались последний раз не далее, как вчера. Это было неожиданно, но приятно. Побалагурим, раз уж для нашей беседы он избрал такое нестандартное место. Проще было бы, как это уже не раз происходило, встретиться, например, у меня дома и надраться от души, но такое продолжение нашей встречи, видимо, в Сашкины планы не входило.

Узнал я его сразу, ведь внешний вид его почти не изменился – тот же коротко стриженный ёжик на голове с заметно пробивающимися сединками на висках, слегка прищуренные глаза, в которых неизвестно что – то ли подозрительная улыбка, то ли затаённая угроза. Одет в стандартную полицейскую форму: синие брюки, светло-голубая рубашка с аксельбантами, куча всевозможных бляшек и на погонах – какие-то эмблемы, разбираться в которых я не силён. Оно и понятно – он уже не простой постовой, ведь у тех на погонах пусто. Но и не самый большой начальник, который может позволить себе демонстративную небрежность в обмундировании.

Мы присели за столик, и заказали кофе.

– Как дела, не спрашиваю, – сразу взял быка за рога Сашка, – потому что уже навёл справки, чтобы лишними вопросами воздух не сотрясать. Служба у нас такая.

– Ого! – удивился я. – Ты, оказывается, не просто решил со мной встретиться, а по работе...

– Ты удивительно догадлив, – усмехнулся Гольдман. – Не совсем по работе, но... отчасти и по работе. Ты не против? Как настроение в целом?

– Как видишь. Хвастаться особо нечем, но и жаловаться на судьбу не стану. Грех это.

– Нормально. Как литературные победы?

– Вам же, копам, всё известно! – усмехнулся я. – Или нет?

Сашка неторопливо отхлебнул кофе и деловито выдал:

– Читал твою последнюю книжку. Нормальная макулатура... Музыку по-прежнему коллекционируешь?

– Ага, – хмыкнул я, – будешь укорять, господин сыщик, что я злобно нарушаю авторские права, скачивая диски из Интернета? Ты представляешь интересы бедных американских звукозаписывающих фирм?

– Б-г с тобой, пират подпольный, – отмахнулся Сашка, – качай на здоровье. Это не наша епархия. А спросил я об этом только из вежливости и природной неистребимой интеллигентности. Пока есть возможность дойти Интернет, чего ж этим не пользоваться? Я и сам грешу, когда минутка свободная выпадает.

– Ну, успокоил, брат, – рассмеялся я, – теперь буду спать

спокойно. А то у меня уже поджилки тряслись... Лучше поведай, как твои дела. Наверняка больше интересного, чем у меня.

– А что рассказывать? Служим закону, даём угля родине. Бандитов ловим... А у меня к тебе и в самом деле есть просьба.

– Неужто вашему высокоблагородию понадобился скромный симпатяга-охранник, марающий на работе бумагу своей писаниной и по-воровски качающий из Интернета контрафактную музыку? Помочь ловить интернет-бандитов? Так я в дзюдо не очень, правда, стрелять из казённого пистолета учили, и даже изредка в цель попадаю...

– Этаких подвигов от тебя никто не требует, – совсем развеселился Сашка. – Пистолет можешь дома оставить, как и компьютер со своими писаниями. Заинтересовал нас, понимаешь ли, один человек...

– Отлично! – воодушевился я. – Вам понадобился агент, который внедрится в преступную банду, накопает компромата на главарей и, рискуя жизнью, выведет негодяев на чистую воду, то есть сдаст с потрохами закону... Какие расценки за голову?

– Умница ты наш! Оказывается, не только серьёзные книжки читаешь, но и детективами не гнушаешься. Может, даже бандитские сериалы по телевизору смотришь да на ус мотаешь...

– Грешен, каюсь!

Сашка на мгновение задумался, потом глянул на часы и, помотав головой, приступил к главному:

– Наблюдается тут у нас странная ситуация с человеком, о котором я заикнулся. В одном поселении, – потом скажу, в каком, – он поселился три года назад, а приехал, кстати, из наших краёв. И, как мы с тобой, пока числится в новых репатриантах. Ничего с виду необычного в нём нет, но это только на первый взгляд. Вокруг него творятся какие-то непонятные вещи.

– Чем же он таким необычным занимается?

– Официально работать он никуда не устроился, да и в поселениях практически нет работы для нашего брата, не владеющего ивритом. Практикует как народный целитель – это сейчас модно. Всякие там йоги, рейки, китайская медицина, даже, говорят, магия. Чем бы, как говорится, дитя ни тешилось... Сейчас каждый второй каким-нибудь мракобесием промышляет и дурит доверчивую публику. Я лично ни во что не верю, потому что знаю: заболит у меня зуб, так не к «магу» побегу, а к банальному дантисту. И простуду лечу не заговорами и заклинаниями, а горячим молоком с мёдом.

– Я тебя понял. Ну а в чём проблема-то?

– Проблема как раз в обстановке вокруг этого человека. Не знаю, может, у него такой рекламный трюк, а может, у парня крышу снесло. Заявляет он во всеуслышание, что, мол, не только может многие человеческие болезни излечи-

вать, но и вообще может решать любые проблемы. Вплоть до управления психикой и поведением человека. Притом не какого-то конкретного экземпляра, а целой группы.

– Ну, это не новость! – поморщился я. – Все доморощенные колдуны этим занимаются. Они и в астрал выходят, и с духами запросто общаются, как мы сейчас с тобой. А главное, врут окружающим настолько убедительно, что человек со слабой психикой однозначно верит. А вот в реальности...

– Дело как раз в этой реальности! – Сашка уже не улыбался, а смотрел на меня в упор и не отводил взгляда. – Я же говорю, что вокруг него всякие странные вещи происходят. Какие-то паранормальные явления, чёрт бы их побрал! Нам удалось собрать некоторую статистику, и обнаружили интересные закономерности: люди, которые приходили к нему лечиться, действительно излечивались, притом спектр болезней был настолько широк, что даже не верится! Безнадёжные раковые больные – и те... Ты себе такое можешь представить?

– Не могу. Но честь и хвала такому целителю. Значит, им не полиция должна интересоваться, а университеты и научные учреждения. На Нобелевскую премию его надо выдвигать. Мы-то с тобой здесь с какого бока?

– В том-то и дело, что не всё так просто. – Сашка снова отхлебнул кофе и мельком глянул на часы. – Человек это настолько замкнут и никого к себе не подпускает, что ситуация

вызывает законное недоумение... К чему эти тайны Мадридского двора? Кого он опасается? Почему так упорно сторонится всех, кто обращается к нему с расспросами?

– Это объяснимо, – предположил я. – Медицина – тот же бизнес, в котором крутятся большие деньги. Может, секрет у нашего уважаемого репатрианта совсем пустяшный, да никто пока до него не додумался. Нарубит он на своём потайном методе бабок, а потом выложит тщательно скрываемое на обозрение общественности... Было бы у меня что-нибудь подобное, я бы тоже к себе конкурентов на пушечный выстрел не подпускал.

– И мы поначалу так предположили, – согласился Гольдман, – но всё оказалось совсем не так. Выяснилось, что наш товарищ денег ни с кого не берёт и ничего своим целительством не зарабатывает. А если не деньги, то какая ещё может быть выгода от такой таинственности?

– А вот это уже действительно страшное преступление! – расхохотался я. – И не только паранормальное явление, а самая натуральная фантастика, каковой быть не может по определению! Отказываться от денег, которых наверняка можно нарубить немеряно! И где – в нашем меркантильном и жадном мире, когда задарма носа никто не почешет... Таковыми людьми не полиции надо заниматься, а самым что ни на есть секретным службам государства! Создавать условия, чтобы подобные люди плодились и размножались во славу отечества и заодно человечества...

– Не смешно! – насупился Сашка. – Когда о нём начали поступать первые сведения и в газетах появились материалы о удивительном целителе-бессребреннике, к нему тут же наладилась наша доблестная налоговая служба. Уж, она-то любые паранормальные загадки решает с ходу – находит деньги даже там, где их отродясь не было, и заставляет делиться...

– Это сейчас со мной суровый коп говорит или старый добрый собутыльник? – уколол я Гольдмана.

– Перестань, – отмахнулся Сашка. – Так вот, налоговики выяснили интересную штуку. Наш товарищ не только не берёт ни с кого денег, но и ниоткуда их не получает. Ничего не получает и никому ничего не платит! Словно человек существует, и одновременно его нет. Мы же знаем, что каждый из нас так или иначе засвечен где-нибудь: или ты платишь, или тебе платят – третьего варианта нет... И решили наши налоговые опричники заняться им вплотную, потому что ситуация крайне непонятная и требующая быстрого разрешения. Подняли все документы и выяснили, что дом он купил на деньги, полученные неизвестно откуда. Словно ему каким-то непонятным способом их передал богатый дядюшка из Америки. Но с собой он их не привёз, это точно установлено. И никаких переводов ниоткуда не получал. Тогда на что он живёт? Какие-то деньги – пособие по безработице – ему на счёт, конечно, капают, но это мизер. На коммунальные платежи и пропитание хватает. Хоть в поселении жизнь не такая дорогая, как в городе, тем не менее, какие-то

траты всё равно есть...

– Может, всё-таки берёт деньги с пациентов наличными, – предположил я, – а те, естественно, никогда в этом не признаются. Кто станет вредить человеку, который исцелил тебя от неизлечимой болезни?

– Мы так и решили поначалу, – кивнул головой Сашка, – но пациенты, с которыми неоднократно беседовали, божились, что он не брал ни копейки, хотя ему предлагали весьма настойчиво... А сейчас, когда вокруг него начался газетный ажиотаж, он и вовсе ограничил приём пациентов. Заявляет, что это не главное, и у него другие приоритеты, а не целецельская практика... Ещё больше непоняток. Возникает вопрос: что он собирается делать дальше? На какие шиши будет жить? И что это за «приоритеты»? Вдруг что-то противозаконное?

Некоторое время мы молчали, потом я спросил:

– Может, об этом лучше спросить всё-таки у него самого? Зачем играть в испорченный телефон и узнавать через кого-то? Пытать бедняг-пациентов? Неужели он сам не ответит?

Сашка вздохнул и с сожалением глянул на меня:

– Пробовали. Не получается.

– Не понял, – протянул я, – как не получается? Он что, отказывается с вами разговаривать?

– Не отказывается. Но странные вещи потом происходят с людьми, которых к нему посылали. То ли он их гипнотизи-

рует, то ли ещё что-то делает, но они потом ничего не помнят. Даже диктофон, с которым посылали одного нашего сотрудника, ничего не записал, хотя исправно работал у него в кармане все полчаса их общения. А потом общения вовсе прекратились – ни с кем он не хочет разговаривать. Категорически.

– Ну, брат, – протянул я, – рассказываешь ты мне какие-то чудеса! Ни за что не поверю, что такое может быть! Он что, этот ваш таинственный репатриант, колдун какой-то?

– Чёрт его знает! И из налоговой службы у него ребята были, и наши – все, как один утверждают, что ничего не понимают... Может, и ещё из каких-нибудь контор посерьёзней, только нам об этом неизвестно.

– Ага, – вдруг догадался я, – и вы теперь решили послать к нему совершенно постороннего человека, то есть меня, глядишь, что-то обломится, так?

– В общем, да. – Гольдман внимательно посмотрел на меня и доверительно сообщил: – Уж, тебя-то трудно заподозрить в том, что ты представляешь какую-то официальную организацию. Видок у тебя ещё тот... От тебя вечным репатриантством за версту смердит – уж, извини за откровенность!

– А от тебя? – тотчас обиделся я.

– Я бы и сам к нему поехал, никого не просил бы, да этот номер однозначно не пройдёт – полицейского он сразу различит. Да и ездил я к нему уже один раз, только ничего не по-

лучилось. К тому же, – Сашка криво ухмыльнулся, – если он каким-то образом может стирать память, то тебе и стирать нечего – разве что задумки на будущую нетленку!

– Значит, я у вас расходный материал? Превратят меня в овощ – и хрен со мной? Лечение в дурке до конца моих дней бесплатно? Похороны и памятник на могилке за счёт полиции?

– Ну, не всё так печально. Думаю, ситуация гораздо проще, чем кажется. Все предыдущие походы к нему были как бы официальными, по-израильски грубоватыми и прямолинейными, а к нему наверняка нужен совсем другой подход. У тебя это получится, ты же знаток человеческих душ. А кроме тебя мне и просить некого...

Он поглядел на часы, и я понял, что пора закругляться.

– Хорошо, я подумаю.

– Нет. – Сашка встал из-за стола и поправил воротник своей рубашки. – Ты уже дал согласие.

– Даже так?..

Сашка улыбнулся и похлопал меня по плечу:

– Я же тебя знаю!.. Да, и ещё. Очень важно выяснить один он живёт или с кем-то. Круг общения и прочие подобные вещи... Кстати, маленькая деталь. Поселение, в котором он живёт, религиозное. Когда тамошняя публика пришла с ним знакомиться, то, естественно, поинтересовалась, почему он по субботам не ходит в синагогу и не носит головной убор. И знаешь, что он ответил?

– Что?

– Что ему этого не требуется, а он, если захочет, сам станет Г-дом Б-гом. Ни больше, ни меньше...

2

Россия Ноябрь 1993

Серый сумрак за окном постепенно сгущался. Если раньше ещё были видны фонари, выхватывающие из мутной снежной круговерти куски дороги с редкими автомобилями, то теперь рыхлые снежинки, которых становилось всё больше, сливались в мутную пелену, заслоняя дальние силуэты дымящихся заводских труб и улицу, ведущую неизвестно куда. Именно – неизвестно куда, потому что раньше Дмитрий глядел на мир весело и с оптимизмом, и выбранная им дорога наверняка вела к обещанному светлому будущему, а теперь всё куда-то в одночасье исчезло. Не было ни этой улицы с вечно спешащими автомобилями, ни этих дальних заводов, запах гари от которых каждое утро заносило ветерком в открытую форточку, ни будущей благополучной и счастливой старости.

Свет в комнате включать не хотелось. Дмитрий сидел за столом, перед ним стояла откупоренная бутылка водки, и её в самый бы раз сейчас опорожнить, чтобы забыться и завалиться спать с глупой вечной присказкой про утро, которое вечера мудренее. Утро ничего хорошего не сулило, а гадкие мысли о том, что всё рухнуло, и не осталось больше ничего, к чему когда-то стремился и чего так упорно добивал-

ся, встали бы ещё острее в этой пустой и уже не нужной ему квартире.

В сотый раз Дмитрий прокручивал в голове вчерашний разговор с начальством, и хоть это не было для него неожиданностью и назревало давно, где-то в глубине души таилась надежда, что всё сложится как-то иначе и такой печальной и скорой развязки не случится.

Утром он, как обычно, пришёл в бюро, несколько минут до начала работы поболтал с коллегами в курилке, а потом отправился за свой стол. План на сегодня был обычный – очередная серия лабораторных замеров, впрочем, график утвержден начальством в начале квартала. Ему всегда удавалось сделать чуть больше, чем запланировано, и это начальству нравилось. Кто же против того, чтобы работа выполнялась досрочно, – это премии, благодарность от заказчика, а главное, приятное ощущение собственной значимости и нужности.

Идеи, которые Дмитрий вынашивал уже добрый десяток лет, наконец, дошли до самых верхов, и начальство – особенно военные, для которых разработка предназначалась, – на удивление быстро отреагировало. Дмитрия, попавшего после института на работу в этот почтовый ящик, заprime-тили сразу, дали лабораторию, средства и пару очень важных телефонных номеров, по которым он мог звонить в любое время дня и ночи в случае необходимости. Но только если ситуация безвыходная, и без вмешательства сверху выпу-

таться из неё нельзя.

Едва Дмитрий вытащил папку с бумагами из сейфа, зазвонил внутренний телефон.

– Зайди ко мне, – коротко приказал ему, даже не поздоровавшись, заместитель директора института Коновалов. – Оставь все дела и зайди. Я жду.

В самом начале рабочего дня начальство редко тревожит подчинённых. Уж если ему что-то требуется, то оно само снисходит со своих кабинетных высот до рабочих мест. Когда же вызывает к себе, наверняка ничего хорошего ожидать не следует.

Вернув папку в сейф, Дмитрий отправился к Коновалову. По дороге он пытался раздумывать о причинах срочного вызова, но в голову никаких мыслей не приходило.

– Сядь, – сказал Коновалов, не отрываясь от бумаги, которую просматривал. – Нужно поговорить.

Некоторое время стояла тишина, и Дмитрий вдруг понял, что сейчас должно произойти что-то неприятное и непоправимое.

– Как твой проект? – спросил Коновалов.

– Нормально, – пожал плечами Дмитрий, – опережаем график...

И опять наступила тишина. Наконец, Коновалов отложил бумагу, встал из-за стола и несколько раз прошёлся по кабинету, что-то напряжённо раздумывая.

– Понимаешь, Дмитрий Ефимович, – глухим голосом ска-

зал он, остановившись у окна, – наше руководство ценит тебя и уважает, но... видишь, какой бардак творится вокруг? Всё летит в тартарары, заводы закрываются, оборонка трещит по швам. Короче, солдафоны твой проект решили прикрыть.

– Денег на него нет? – предположил Дмитрий.

– Не только денег, – отмахнулся Коновалов, – не до проектов им сейчас. Самим бы в креслах усидеть...

– Хотят приостановить или вообще закрыть?

– Не знаю. Знаю лишь, что с завтрашнего дня твоя лаборатория закрывается. – Коновалов вернулся к столу, взял бумагу, которую читал, и протянул Дмитрию. – Вот приказ по институту, распишись.

– Что же мне теперь делать? – Дмитрий вертел в руках приказ, не решаясь в него заглянуть.

– Мы тебя вынуждены уволить. Других вариантов нет. И твоих сотрудников... Посиди дома, отдохни. Рыбалка, грибы – что ещё могу посоветовать? А там, глядишь, что-то изменится, солдафоны одумаются и решат возобновить разработки... Мы ведь не только тебя увольняем, ещё пара лабораторий закрывается, а это добрых полсотни человек.

– С завтрашнего дня не работаю?

– Уже с сегодняшнего. Сходи, возьми в кадрах обходной лист... До свиданья. И не обижайся на нас...

До обеда Дмитрий просидел за своим столом, разбирая бумаги и тайком от начальства копируя их. Девчонка, рабо-

тающая на ксероксе, ещё не знала о его увольнении и охотно копировала документы, которые он складывал в свою сумку так, чтобы на них не обратил внимания охранник на входе. Хотя вряд ли его будут проверять, но всё может быть – человек увольняется и больше сюда не вернётся, а объект всё-таки режимный и каждая вторая бумага здесь с грифом «секретно»...

Но его не задержали на выходе. Охранника, имени которого Дмитрий не знал, интересовало другое. В сумке не было того, что чаще всего выносят сотрудники, – спирта или дефицитных радиодеталей, – а какие-то бумажки с резким запахом нашатыря – да кому они сегодня нужны?

Самое неприятное ожидало дома. Людмила, с которой он и так жил в последнее время, как кошка с собакой, узнав об увольнении мужа, ни слова не говоря, собрала вещи и уехала к матери. Такое случалось и раньше, но всегда сопровождалось скандалами и битвём посуды. Сегодня же всё прошло тихо, и это было совсем паршиво. Так уходят, когда не собираются возвращаться.

– Я подаю на развод, – сказала она напоследок, – не хочу жить с лузером. Тебе уже сорок, а чего ты в жизни добился? Каждый день работаешь по двенадцать часов, а зарплата – копейки. Говоришь, что делаешь что-то важное для обороны, и начальство тебя ценит? Всё это полная ерунда! Ты сам себя обманываешь! Если бы тебя ценили, ты бы получал не эти жалкие гроши. Мы бы смогли купить машину, каждый

год ездить на юг к морю, а что мы имеем?.. Я сейчас с тобой говорю, а ты меня хоть слышишь-то? Вот и оставайся один...

Весь вечер Дмитрий просидел дома, тупо глядя в одну точку. Никакие мысли в голову не шли, и на душе было тоскливо, но почему-то спокойно. Настолько спокойно, что по спине время от времени прокатывался озноб ожидания чего-то неизвестного. Лишь сейчас он понял, что жизнь расставила какие-то свои точки. Всё, что происходило с ним раньше, уже казалось искусственным и неправдоподобным. Работа, которая всегда была смыслом жизни, теперь отходила на задний план, а что оставалось взамен? Что у него было за душой? Какие у него интересы помимо решения всевозможных технических задач, возникавших на работе? Книжки, кино, музыка? Он и не помнит, когда что-то читал или смотрел по телевизору... Семья? Теперь выяснялось, что и семья-то у него по-настоящему не было. Они жили с Людмилой бок о бок, но близкими и родными людьми так и не стали. Может, дети сблизили бы их, но детей не было.

Дмитрий спустился к круглосуточному ларьку в квартале от дома, купил бутылку водки и вернулся в опустевшую квартиру. Но и водка не помогла. Пить он так и не научился. Мужики с работы, изредка затаскивающие его в свои компании, всегда говорили:

– Не настоящий ты еврей, Дмитрий! Настоящие-то нашему русскому человеку по питейной части не уступают. Ещё и фору дают. Не то, что ты. Не обижайся, конечно, что мы

тебя так, но...

А Дмитрий ни от кого и не скрывал, что он еврей, хотя такое в их уральских краях не принято афишировать. Никто ему в укор еврейское происхождение не ставил, тем не менее, изредка всё-таки проскакивало, что он не совсем свой, а к чужакам, ясное дело, отношение настороженное.

– Что ты здесь делаешь? – иногда говорил кто-нибудь из друзей в порыве откровенности. – Посмотри, сейчас границы открылись, и все, кто мог, подались в Израиль, Америку, Германию. Ты же мужик с головой, найдёшь себе там применение. Здесь-то тебе терять нечего. Даже твоя Людка на тебя волком смотрит и уже поговаривает, мол, живу с ним, пока кто-нибудь интересней подвернётся. Тебя такая ситуация устраивает? Любой нормальный человек на твоём месте уже давно ноги сделал бы! А то наши вожди передумают, закроют границы, как было раньше, и останешься ты у разбитого корыта.

– Кто меня ждёт за границей? – усмехался Дмитрий, но ничего весёлого в этой усмешке не было.

– Никто никого не ждёт, – отвечали ему более просвещённые по этой части товарищи, – но когда выпадает шанс начать всё с чистого листа, грех этим не воспользоваться. Самим бы отыскать какую-нибудь еврейскую прабабушку да ломануться отсюда...

Дмитрию искать никого не надо было. И звали-то на самом деле его не Дмитрием, а Давидом, но так уж повелось

со школы, чтобы окружающие не дразнили. И все вокруг привыкли к этому имени. Он помнил семейную историю про то, как его мать вместе с родными попала в эти уральские края во время эвакуации в сорок первом году, вышла замуж за комиссованного по ранению храброго офицера-танкиста и осталась жить на новой родине. Всё равно возвращаться после войны было некуда – еврейское местечко в Белоруссии, откуда она родом, сожжено немцами дотла со всеми его обитателями. Как и местечко, родом из которого отец Давида...

И в самом деле, пора уезжать, вдруг подумалось ему. На дворе девяносто третий год, перестройка в разгаре, но с каждым годом становится не лучше, а только хуже. Пока была работа, были какие-то средства к существованию, а теперь ни работы, ни семьи. Что в перспективе – идти побираться?

Дмитрий покосился на сумку с бумагами, вынесенными из института, и ему, наконец, стало ясно, для чего он это сделал. В этих бумагах вся его жизнь, вернее, годы, которые он посвятил оборонке. А она так жестоко поступила с ним – вышвырнула на улицу, оставив, по сути дела, без будущего! Нет, к такому раскладу он не готов. Он имеет право воспользоваться этими секретными материалами, ведь в них всё – и бессонные ночи, проведённые за книгами, и исписанные формулами блокноты, и горячие споры с коллегами, в которых истина если и рождалась, то далеко не сразу, и его изво-

ротливость, когда необходимо было раз за разом разъяснять твердолобым генералам преимущества его изобретений над тем, что уже существует в мировой практике...

В лаборатории он даже успел создать опытные экземпляры некоторых своих изобретений и кое-кому продемонстрировал их в действии, но даже это, как выходило, сегодня не нужно. Однажды, когда он, отчаявшись, посетовал кому-то из начальства на то, что глупо разбрасываться такими новинками, которые сделают любую армию самой неуязвимой и самой-самой-самой, ему ответили, что никто о войне не помышляет, новые виды вооружения, конечно, актуальны, но не сегодня, и так далее. Обидно, когда вокруг тебя безразличие и непробиваемые стены, а ведь любой творческий человек тщеславен. Тщеславие – это стимул к творчеству, и без него ничего нельзя сделать действительно нового.

– Меня здесь ничего не держит, – проговорил он вслух, и сам удивился своему голосу, твёрдому и уверенному, каковым, наверное, должен быть голос человека, ответившего на главный вопрос в жизни. – И никому я ничего здесь не должен. Пора собираться...

После этих слов ему стало легче. Презрительно глянув на бутылку, он пересел в кресло у окна и стал раздумывать, как завтра отправится заграничным паспортом, и, когда тот будет готов, не откладывая ни на минуту, поедет в Москву в израильское посольство. Там он добьётся встречи с человеком – как его называют? – военным атташе и расскажет

о своих изобретениях. Дмитрий ясно представлял, что везти с собой через границу пачку бумаг, на каждой из которых гриф «секретно», это прямой путь к тому, что его притормозит первый же пограничник, и тогда уже он отправится совсем в другом направлении – противоположном.

С другой стороны, он не настолько наивен, чтобы сразу выкладывать свои секреты какому-то незнакомому израильтянину. Вполне вероятно, что доверься он работнику посольства – и его разработки попадут туда, куда надо, а он, как и здесь, окажется в итоге ненужным и лишним. На порядочность и честность полагаться не стоит, нужно всегда придерживаться туза в рукаве. Но как это сделать?

Ответ пришёл сам собой. До отъезда в Москву он составит описание изобретений с подробными пояснениями, а также приложит имеющиеся фотографии и акты испытаний. Этого будет достаточно, чтобы его не сочли очередным безумным изобретателем вечного двигателя. Сам же принцип работы и отработанные на опытных образцах схемы он не доверит никому, а повезёт в багаже лично. Без описаний они вряд ли привлекут чьё-то внимание.

С отъездом не будет никаких препятствий. Его увольняли в такой спешке, что никто в институте даже не задумался, что он носитель секретной информации, и какое-то время его вообще не следует выпускать за границу. Может, компетентные органы, барахтаясь в той неразберихе, что творится вокруг, не обратят на него внимания и отпустят с миром...

В Израиле-то его примут в любом случае, хоть с секретными документами, хоть без, но хочется сделать какой-то задел для будущей благополучной жизни. В том, что Дмитрий продолжит заниматься любимым делом, сомнений не было. А на первых порах, пока он худо-бедно обживётся на новом месте, ему любая работа сгодится. Он не белоручка, может и лопатой поработать...

Теперь уже спокойно сидеть в кресле и смотреть в окно на сгущающийся сумрак и усиливающийся снегопад Дмитрий не мог. Он вскочил и стал нервно расхаживать по комнате. Взгляд снова наткнулся на бутылку с водкой. Такое решение не мешало бы обмыть, но... нет, некогда. Нужно прямо сейчас начать сортировку документов. Работы наверняка будет много, но и время пока есть.

Дмитрий зажёл свет и раскрыл сумку. Сдвинув на край стола водку, он вытащил всё ещё пахнувшие нашатырём листки ксерокопий и положил перед собой чистый лист бумаги. Перед тем, как начать писать, он зажмурился и пробормотал:

– Хоть бы всё прошло так, как я задумал, – потом погрози кулаком кому-то невидимому в окне и прибавил, – вы ещё пожалеете, что так поступили со мной! Дмитрий... нет, Давид Бланк всем покажет, на что способен!

3

Израиль Сентябрь 2011

Зачем я согласился участвовать в этой авантюре? Мог отказать и послать Сашку с его детективными заморочками подальше, так нет же, сыграло дурацкое любопытство и желание первым приоткрыть покров чужой тайны. Я ещё потом не раз пожалею, что так неосмотрительно согласился участвовать в этих играх, ни правил, ни целей которых так до конца и не прояснил. Да я уже и сейчас жалею...

Сашка Гольдман оказался ещё тем Змеем Горынычем, ведь наверняка помнил и использовал мои старые рассказы про то, какую бурную жизнь я вёл до приезда сюда, в каких передрыгах участвовал и каким был некогда крутым перцем. Конечно, я сильно привирал, но у меня получалось делать это складно, и Сашка наверняка это подметил, ухватив из рассказов главное: скучно мне жить размеренной и тусклой жизнью израильского обывателя, душа требует драйва. А раз так – на тебе, брат, реальное приключение, покажи всем, какой ты боец, поиграй под присмотром старших товарищей в детектива...

Что ж, назвался груздем... лезь. Конечно, в Шерлоки Холмсы я не гожусь, да и Штирлиц из меня едва ли получится, тем не менее... Хотя, по сути дела, ничего запредель-

ного от меня не требуют. Наоборот, задача, по всей видимости, примитивно проста: изображать из себя лоха, каковым я и выгляжу безо всяких натяжек. И вот этот лох под самым банальным предлогом – любопытства или обострившейся болячки, – попытается пробраться в святую святых этого новооявленного гуру, пославшего по известному адресу все официальные организации с их бульдозерным напором и казённой официальнойщиной. Будь у меня какие-нибудь сверхъестественные способности, я бы тоже, ни минуты не сомневаясь, применил их, чтобы отпугнуть от себя этих нахалов. Хотя я с этим человеком ещё незнаком, но уже испытываю к нему некоторые симпатии.

Ну, да ладно, об этом помечтаем как-нибудь при случае, а сейчас лучше прикинуть, как мне попасть к нашему замечательному соотечественнику. Сашка предлагал явиться к нему с жалобой на какую-нибудь фигню – мигрень или боль в спине. Я ему тогда не сказал, что такой трюк окажется не очень убедительным. Целитель максимум поводит руками – или что ещё в подобных случаях делают уважающие себя маги? – и отправит восвояси. Хочется, чтобы этот не желающий излишнего внимания к собственной персоне человек не почувствовал опасности и увидел во мне союзника. Более того, чтобы я стал чем-то интересен ему. Иначе возникнет подозрение. Никому, знаете ли, не хочется находиться под колпаком, хотя почти ни у кого это не получается. Вот он и бьётся в одиночку с монстрами.

Но что придумать? Под каким соусом проникнуть к нему?..

Так ничего и не решив, я вылез из машины и пошёл к дому. Дом как дом, каких в поселении десятки. Только другие ухожены, и там чувствуется хозяйская рука. Лужайки вокруг домов засеяны зелёной травкой, которую периодически поливают, кое-где даже клумбы с цветами и аккуратные дорожки вдоль низких каменных заборчиков, разделяющих участки. А этот дом сразу выделяется своей неряшливостью – красная черепица на крыше кое-где покосилась и грозит рухнуть на голову его обитателю, трава у дома основательно пожухла, у стены набросаны какие-то ржавые рамы и поломанные доски. Видно, новоявленному «г-ду Б-гу» недосуг отвлекаться на бытовуху, он решает глобальные проблемы мироздания. Рядом с другими домами полно всякой живности – собаки, кошки, куры, кое-где вольно разгуливают ёжики и домашние кролики, а тут пусто. Или хозяин не любит животных, или они не любят его.

Если неряшливость дома не произвела на меня никакого впечатления – я и сам не бог весть какой чистюля, то отсутствие животных меня несколько насторожило. Мой куцый жизненный опыт подсказывал, что во взаимоотношениях со зверушками, как в зеркале, отражается характер человека, его положительные и отрицательные качества. Что ж, небольшая деталь к портрету, но существенная.

Впрочем, внешний вид дома ни о чём не говорит.

Ну, не любит хозяин возиться с зелёными насаждениями и не опасается получить по маковке съехавшей черепичной плиткой, это его личное дело. Эйнштейн, если верить преданиям старины неглубокой, тоже был изрядным грязнулей, однако прославился вовсе не как гений чистоты и порядка. Но ведь то Эйнштейн, а этот, как его... я заглянул в бумажку и прочёл Сашкины каракули – «Давид Бланк», чем он ценен для человечества? Пока не знаю. А сам он не торопится заявить о себе миру.

Что ж, попробуем проникнуть внутрь этого негостеприимного дома и познакомиться с хозяином поближе.

Как почти во всех домах в поселениях, дверь в дом Давида Бланка оказалась незапертой и, более того, даже приоткрытой. Как поступать в подобных случаях, особенно когда приходишь в незнакомый дом, я не знал. Постучать или войти сразу? В киношных-то детективах, как правило, если дверь не заперта, то за ней непременно труп различной степени свежести. Нужна же какая-то эпатирующая деталь для сюжета.

– Тьфу ты! – сплюнул я. – Померещится же... Будем вести себя не как в дешёвой киношке, а как в приличном обществе! Или как в индийском слезливом кино с песнями и плясками...

Я посильнее толкнул дверь, и она распахнулась настежь. Однако сразу пройти внутрь мне почему-то не удалось – меня неожиданно разобрал чих. Я чихнул один раз, но не силь-

но, и от этого в носу засвербело так, что чихнул второй раз, потом третий, а потом и вовсе пришлось лезть в карман за салфеткой, чтобы смахнуть неожиданно выскочившую из носа благородную зелёную соплю.

– Где это меня угораздило простудиться? – между чихами успел пробормотать я. – Не успел придти в гости к незнакомому человеку, как тут же принялся распространять вокруг себя болезнетворные микробы!

– Кто там? – послышался мужской голос из глубины дома.

– Простите, э-э... – Я не знал, что сказать, да и едва ли выдал бы что-то внятное из-за душившего меня чиха. – Ой, извините...

– Секундочку! – донеслось до меня снова. – Сейчас выйду.

Чихнув последний раз и промокнув салфеткой вспотевшее лицо, я с трудом перевёл дыхание.

Прихожих в израильских домах почти не бывает. Через входную дверь сразу попадаешь в зал, который служит одновременно салоном, кабинетом и кухней. Спальни, как правило, совсем маленькие, с крохотными окошками, и в них ничего, кроме как спать, не получается. Все основные события в жизни дома и его обитателей происходят в зале.

Потоптавшись у порога и не дождавшись никого, кто бы меня встретил, я вышел на середину зала и огляделся по сторонам. Ничего необычного. Практически пустая комната со стандартной кухней в дальнем углу, большим окном во всю стену, через которое проглядывался задний двор, та-

кой же неухоженный, как и участок перед домом. Посреди комнаты большой овальный стол, наверняка оставшийся от прежних хозяев, и вокруг него несколько разнокалиберных стульев и табуретов. Никакой другой мебели, за исключением старого продавленного дивана у стены и большого телевизора на тумбочке. Да ещё дверь, ведущая наверняка в покои здешней «Синей Бороды», и лестница на второй этаж со спальнями.

– Мрачноватая обстановка, – пробормотал я, – гостям тут и в самом деле не рады.

– Здравствуйте, вы ко мне? – снова послышался голос, и я, наконец, разглядел его обладателя, который незаметно появился откуда-то и теперь пристально меня разглядывал.

Это был мужчина средних лет с седыми, зачёсанными назад волосами, неожиданно чёрными смоляными усиками над выпяченной верхней губой и такими же чёрными глазами под мохнатыми кустистыми бровями. Почему-то мне сразу подумалось, что если кому-то и суждено изобрести вечный двигатель или создать новую теорию относительности, то только человеку с подобной внешностью.

Обычно в таких случаях принято писать, что глаза хозяина дома были пронзительными и настороженно изучали непрошеного гостя, однако этого не было. Взор хозяина был тусклым и ничего не выражающим. Казалось, ему глубоко плевать и абсолютно неинтересно выяснять, зачем я пришёл и что мне надо в его пыльных владениях. Полный вакуум.

– Вы ко мне? Домом не ошиблись? – повторил мужчина скучным голосом. – Кто вы?

На иврите он говорил плохо, поэтому я сразу же ответил на русском:

– Я... как бы вам объяснить? Мы с вами не знакомы, но я много слышан о вас, и мне захотелось с вами познакомиться.

– Наслышаны? – переспросил мужчина и усмехнулся. В его глазах блеснул огонёк любопытства. – И что вам про меня известно?

– Что вы исцеляете многих, кто неизлечимо болен.

– У вас что-то болит?

– Нет, но...

– И это всё, что вам про меня известно?

Тут я решил, что лучше не бродить вокруг да около, а выдать более или менее достоверную информацию. Так оно выглядит искренней и правдоподобней:

– Ещё слышал, что вы напугали местных жителей обещанием, что если захотите, станете Б-гом.

– Верно, – расцвёл хозяин, – пошутил, было дело... А что вы ещё слышали? Говорите, не стесняйтесь.

– Это что – допрос?

Казалось, хозяин немного смутился и отвёл глаза в сторону, но какой-то интерес в них уже промелькнул.

– Говорят, – продолжал крошить я правду-матку, – что к вам приходили из налоговой службы и ушли ни с чем...

– А, вы случайно не от них?

– Упаси Б-г! – Я даже затряс головой от негодования. – Я сам по себе.

Давид Бланк впервые с интересом оглядел меня и недоверчиво переспросил:

– Точно не от них? Вы уверены?

Я пожал плечами и ответил:

– Могу уйти, если не верите.

– Идите...

Чёрт побери, ситуация тупиковая! Сам напросился на такой ответ. Мне больше ничего не оставалось, как развернуться и пойти к двери. В голове уже начали вертеться нехорошие мысли о том, как я стану объясняться с Сашкой Гольдманом, но хозяин меня опередил:

– Постойте! Я вас вовсе не гоню. Просто я не совсем уверен, что вы тот, за кого себя выдаёте.

Тут уже пришёл черёд обижаться мне:

– А я ни за кого себя пока не выдаю. Вы же мне не дали даже слово сказать!

Давид пригладил ладонями волосы, потом одёрнул на животе мятую майку и вздохнул:

– Не обижайтесь, молодой человек. Просто меня уже достало непонятное внимание окружающих к моей персоне. Честное слово, черти мерещатся... Раз пришли, то проходите, рассказывайте, что вас привело сюда.

Мы прошли к столу, и он указал жестом на стул:

– Присаживайтесь. Сок или чай? Кофе, извините, закончилось... Слушаю вас. Или нет, лучше я задам вам вопрос. Если вы так много узнали обо мне, то наверняка слышали, что я почти не принимаю пациентов. Что вас всё-таки подвигло на этот столь бесполезный визит ко мне?

В его голосе звучала неприкрытая ирония. Я пожал плечами и выдал домашнюю заготовку:

– Понимаете, из того, что я слышал, во многое верится с очень большим трудом. А если говорить честно, вообще не верится. Мистика, чертовщина какая-то. Где правда, где ложь? А я давно интересуюсь подобными загадочными вещами, и мне захотелось во всём разобраться самому. Тем более, это не куда-то в джунгли Амазонки ехать или в горы Тибета, а здесь рядом, под рукой.

– Журналистское расследование?

– Я похож на журналиста?

Давид Бланк испытывающе глянул на меня и отрицательно покачал головой. Чувствовалось, моя речь пришлась ему по нраву. А кому не понравится, когда народная молва приписывает тебе сверхъестественные способности?

– Значит, вы явились ко мне, – медленно проговорил он, – чтобы выведать секреты? А почему вы решили, что, если они у меня и есть, то я их выложу вам на тарелочке? Ведь секреты на то и секреты, чтобы держать их ото всех в тайне.

– Да не хочу я ничего выведывать, просто мне интересно узнать об их существовании! Был бы я каким-нибудь папа-

рацци или специалистам по аномальным явлениям, наверняка придумал бы что-то похитрей, чтобы втереться к вам в доверие!

– Вы правы, – Давид озорно стрельнул по мне глазами и приосанился, – кишка у вас тонка... Кто вы, кстати, по образованию?

– До приезда сюда, – вздохнул я, – и в самом деле был журналистом, скрывать не буду, а здесь...

– Что с вами произошло здесь, можете не рассказывать, – перебил меня Давид. – Журналистов в Израиле и без вас хватает. Для нашего брата здесь берегут работы попроще и погрязней.

– В принципе так, – согласился я, – хотя что может быть грязней журналистики?..

А Давид уже вскочил со стула и, забыв про обещанный чай и сок, принялся расхаживать вокруг стола.

– Хотите, я и в самом деле, приоткрою вам свои секреты? – Он остановился напротив меня и посмотрел сверху вниз. – Не знаю, для чего мне это нужно, но... приоткрою. Мания величия, знаете ли, заела! Просто вы мне чем-то приглянулись.

И тут я подумал, что для того, чтобы побольше расположить к себе этого странного человека, не плохо было бы поиграть в плохого мальчика. Так будет выглядеть наверняка достоверней.

– А если я всё-таки не тот, за кого себя выдаю? – кри-

во усмехнулся я. – Послушаю вас, намотаю себе на ус, а потом, едва выйду, напрямик направлюсь в ту же налоговую инспекцию или полицию!

– А вот это мне совсем не страшно, – расцвёл, как майская роза, Давид. – Я вполне могу сделать так, что по выходу отсюда вы не вспомните ни слова из нашего разговора.

– Так это всё-таки правда? Меня не обманывали? – удивился я. – Вы умеете стирать память?

Давид ничего не ответил, лишь стоял и с улыбкой разглядывал меня.

– Если я забуду обо всём, – продолжал я, – то для чего вам тогда что-то рассказывать? Какой прок? Мания величия так и останется... неудовлетворённой!

Я даже пожалел в душе, что так опрометчиво согласился на Сашкино предложение. Кто его знает, что на уме у этого доморощенного гения? Превратит меня в идиота, не помнящего, кто я и откуда, и пускающего счастливую слюну от манной кашки в психушке?! Не-е, братцы, в такие игры играть я не хочу!

– Знаете, уважаемый, – я встал со стула и глянул на часы, – мне пора бежать, я совсем забыл, что у меня сегодня кое-какие встречи назначены. Вероятно, мой визит сюда был ошибочным.

– Перестаньте! – расхохотался Давид. – Никакой я не гипнотизёр и не колдун, и вреда вам не причиню. Да и секретов-то у меня никаких нет. Я такой же, как все, обыкновен-

ный человек. Ну, может, не совсем такой, потому что иногда осмеливаюсь задуматься над тем, как применить то, что уже давно известно человечеству, а оно так и не научилось использовать это в полную силу...

Так-так, произвольно отметил я про себя, великий и ужасный Гудвин потихоньку приступил к изложению своих программных материалов. Хоть и скромничает, величая себя обычным человеком, но амбиции у него зашкаливают. Это видно невооружённым глазом. Иначе для чего я ему сейчас? Нужен ему, ой как нужен хоть один человек, который подыграет ему и станет им восхищаться!

– Кстати, по своей первой специальности я инженер, – поделился я своими секретами, – технический институт закончил когда-то. Только вот в изобретатели никогда не рвался, другие у меня интересы были.

– И это, молодой человек, плохо! – Давид даже погрозил мне пальцем, словно непослушному ребёнку. – Наука и техника это такое безграничное поле для фантазии, что дух захватывает... Я сразу почувствовал, что у вас гуманитарный склад ума, но, как каждого нормального еврейского мальчика, ваши родители определили вас в технический ВУЗ, мол, что это за специальности – журналистика, культура и искусство? Техника, коммерция, медицина — это более практично и основательно. И вы бы тут добились куда более весомых результатов, чем в журналистике, если бы послушали родителей и продолжали техническую карьеру... Разве я не прав?

То, что разговор почему-то перешёл на обсуждение моей скромной персоны, мне совсем не нравилось. Не за этим я ехал сюда, а Давид моего недовольства как будто не замечал.

– Тех, для кого техника стала главным призванием и смыслом жизни, увы, единицы, – задумчиво продолжал он. – К счастью, мне повезло. Моё призвание стало моей сферой деятельности.

– Значит, вы счастливый человек, – подал я голос. – Завидую вам.

– Самый счастливый! – высокомерно поправил Давид. – Хотя и скучно, признаюсь, жить на белом свете, когда никто это не ценит, а от тебя требуют каких-то банальностей. Вроде излечения от застарелого радикулита или... – он посмотрел на меня и ухмыльнулся, – от насморка. Поэтому я и разговорился с вами. Ведь на самом деле вы пришли не лечиться и даже не с целью что-то выведать, да? Вы, если я не ошибаюсь, пришли с абстрактной целью понять, существует ли в природе реальное чудо, которое мне приписывают. Ведь так?

– Так. – Я почесал кончик носа и решил продолжить игру в плохого мальчика. Раз уж карта попёрла, то примем правила игры. – Одно меня немного удивляет: как вы легко говорите о чуде... Завеса тумана, которую вы создаёте, она действительно необходима? Без неё нельзя? Не скрывается ли за ней что-то совсем уж банальное?

– Думаете, незаслуженно рекламирую себя? – Давид ис-

коса глянул на меня, и от его взгляда мне стало немного не по себе. – Да, молодой человек, не случайно я позволил вам беседовать со мной и не выгнал, как многих других, кто пытался лезть в мои секреты. Вы мне даже чем-то симпатичны. Своей недоверчивостью и нежеланием сразу хватать вершки...

Невольно я отметил про себя, что дело худо-бедно пошло на лад, и мне будет, чем порадовать Сашку Гольдмана. Всё-таки при всех своих гениальных способностях Давид Бланк вовсе не такой проницательный психолог, чтобы до конца разобраться в мотивах, движущих мной.

– На самом деле, – зачем-то ляпнул я, – мне тоже хотелось бы ухватиться за вершки, но только чтобы потом показались и корешки!

– А вы не такой простачок, каким хотите казаться! – Давид с улыбкой посмотрел на меня и махнул рукой. – Успеете ещё, не всё сразу. – Он поглядел на дешёвые электронные часы, висящие на стене, и вздохнул: – Сейчас у меня времени нет. Дела, знаете ли. Если хотите, подлетайте ко мне через пару дней, и мы тогда уже основательно побеседуем. Вам далеко добираться до нашего поселения?..

Выйдя из дома Давида Бланка, я всю дорогу невольно раздумывал о нашем разговоре. Даже несколько раз восстанавливал в уме последовательность нашего общения и с облегчением отмечал, что великий и могучий Гудвин не стёр мою память, как у бедняг, чем-то ему не приглянувшихся. Это

обнадёживало. Видно, полицейское начальство Гольдмана верно рассчитало, что я окажусь именно тем человеком, который справится с этой неразрешимой задачей. А там, глядишь, и какая-нибудь копеечка мне обломится за хлопоты...

Россия Июль 1994

Вопреки ожиданиям в израильском посольстве Дмитрий приняли вовсе не с распахнутыми объятиями. Пройдя внутрь за ограду посольства, ему пришлось долго объяснять охраннику, что перед тем, как встать в очередь для оформления выездных документов, ему необходимо встретиться с кем-то из ответственных работников, но охранник всё время отмахивался и жестом показывал пройти в зал с остальными посетителями.

Дмитрий послушно прошёл в зал, мрачно уселся на стул и принялся ждать, пока кто-нибудь выйдет из дверей с грозной надписью «Вход только для работников посольства». Наконец, оттуда выпорхнула молоденькая девица с пачкой бумаг в руках и хотела уже проскочить мимо, но Давид мягко схватил её за локоть. Некоторое время девица слушала его и понимающе кивала головой, потом что-то сказала на иврите, виновато развела руками и убежала.

Дмитрий снова уселся на стул и принялся теревить тесёмки папки, в которой были аккуратно сложены описания его изобретений. Но толку от сидения, как он уже догадывался, не было никакого. Надо действовать напористо и нагло, потому что иначе в этом мире ничего не добьёшься. Эту фразу

ему постоянно твердила Людмила, с которой он развёлся три месяца назад и почти не вспоминал о ней.

Он несколько раз прошёлся по залу, без интереса разглядывая публику, которая заполняла анкеты и суетилась с документами, потом решительным шагом подошёл к одной из служебных дверей и постучал. Дверь тотчас открылась, и парень в белой рубашке с галстучком вопросительно уставился на Дмитрия:

– Вы к кому?

– К атташе.

Некоторое время парень раздумывал, но, видимо, решительный вид посетителя его успокоил:

– Вам назначено?

– Да. – Дмитрий покосился на часы. – На десять ровно.

– Проходите...

Поначалу парень шёл за ним следом, потом исчез за какой-то дверью. Дмитрий прошёл дальше и, дойдя до конца коридора, вернулся назад. Никого в коридоре не было. В отличие от шумного зала, где оформляли документы и галдели посетители, здесь была мёртвая тишина. Ещё раз оглянувшись, он постучал в какую-то дверь и, не дожидаясь приглашения, вошёл.

В небольшом, почти пустом кабинете сидел за столом худощавый черноволосый мужчина в очках, и перед ним стояла уже знакомая девица, которую тот за что-то ворчливо распекал на иврите. На полуслове мужчина прервался и вопро-

сительно посмотрел на Дмитрия.

– Извините, мне хотелось бы побеседовать с кем-то из ответственных работников посольства, – проговорил Дмитрий, немного смущаясь от своей наглости, однако назад дороги уже не было.

– Как вы сюда попали? – слегка коверкая слова, спросил мужчина. – Кто вас пропустил?

– Сам прошёл. Я вот у неё, – и Дмитрий показал пальцем на девушку, – спрашивал, так она даже слушать меня не захотела.

Мужчина неодобрительно покачал головой и кивнул девушке, чтобы та уходила.

– Ну и что вы хотите? – Она внимательно посмотрела на Дмитрия и вздохнул.

– Я работал в оборонной промышленности, – начал Дмитрий, почувствовав, что дело сдвинулось с мёртвой точки, – и у меня есть достаточно много интересных разработок, которые я хотел бы...

– Стоп-стоп, – прервал его мужчина, – не говорите так быстро, я не всё понимаю по-русски!

Минут десять Дмитрий втолковывал мужчине, кто он такой и для чего ему нужно встретиться с военным атташе, но собеседник с каждой минутой становился всё скучней и скучней. Наконец, мужчина не выдержал и честно признался:

– Я мало что понял из ваших слов. Подождите минутку,

я приглашу человека, который сумеет понять вас. Присядьте...

После того, как мужчина вышел, Дмитрий перевёл дыхание и осмотрелся. На стене висела карта Израиля и пара плакатов, один из которых оказался большим настенным календарём, а на втором изображалось какое-то безалкогольное пиршество на открытом воздухе в саду, и сверху было почему-то написано «Первый дом на родине». Украдкой глянув на стол, Дмитрий увидел раскрытую газету на иврите с большим, в пол-листа кроссвордом, наполовину уже заполненным хозяином кабинета.

– Здравствуйте! – раздалось за его спиной, и Дмитрий обернулся. Перед ним стоял незнакомый молодой парень с рыжим коротким бобриком на голове и смешным веснушчатым носом. – Я могу с вами побеседовать, но для начала хотелось бы взглянуть на ваш паспорт и узнать, как вы прошли внутрь.

Пока парень изучал паспорт Дмитрия и разрешение на выезд из ОВИРа, Дмитрий путано объяснял, что прошёл сюда почти беспрепятственно, и парнишка, открывавший ему дверь, нисколько в этом не виноват. А встретиться ему нужно с военным атташе.

– Зачем? – коротко спросил парень, не отрываясь от изучения паспорта. – Вы принесли секретные военные разработки?

– Вам уже сказали? – опешил Дмитрий. – Оперативно ра-

ботаете!

– Нет, я сам догадался, – усмехнулся парень. – Каждый день таких шпионов, как вы, к нам приходит пара-тройка человек. Добрая половина из них – как бы сказать точнее? – люди не совсем адекватные. Изобретатели вечных двигателей.

– Думаете, я тоже ненормальный? – сразу насупился Дмитрий.

– Не знаю, – пожал плечами парень. – Я говорю только о том, что вижу своими глазами.

– Ну, и что мне дальше делать? Доказывать, что я не псих?

– Оставьте свои бумаги мне, и я их передам кому следует. Военный атташе, с которым вы хотите встретиться, сейчас принять вас не сможет. И завтра не сможет...

– Но мне действительно нужно поговорить с человеком компетентным и разбирающимся в подобных вещах, – продолжал настаивать Дмитрий. – Уверяю вас, я не принёс проект очередного вечного двигателя. У меня вполне конкретные идеи, часть из которых уже применяется, правда, пока в опытных образцах.

– Разумеется, – кивнул головой парень. – Оставьте, повторяю, ваши бумаги, и с вами через некоторое время обязательно свяжется кто-то из наших сотрудников.

– Я не москвич...

– Не важно, вам позвонят по тому номеру, который вы укажете. – Всем своим видом парень теперь показывал, что

тема исчерпана, и продолжать разговор дальше бесполезно.

В общий зал, где продолжалась регистрация потенциальных репатриантов, Дмитрий вернулся мрачнее тучи. Уверенность в том, что его бумаги попадут именно к тому человеку, который по-настоящему сумеет их оценить, таяла не по дням, а по часам.

Ничего страшного, приободрял он себя, главное припрятано у меня в голове, а я уж сумею им правильно распорядиться по приезду в Израиль. Там наверняка найдутся люди толковые и сообразительные, которые всё поймут с полуслова. А что взять с посольской публики? Тут обыкновенные клерки, которые оформляют бумаги и проверяют документы. С кем я собирался вести беседы о военной технике и секретных разработках? Правда, в любом посольстве всегда есть представитель разведки, но заикнись я об этом тому же конопатому парню, он сразу позвал бы охранников вывести меня наружу. Наверняка такое уже случилось. И они по-своему правы – откуда им знать, что я не очередной псих?

Незаметно подошла его очередь к окошку, в котором принимали документы.

– На какое время вам бронировать билет на самолёт? – стандартно вежливо поинтересовалась у него приятная немолодая женщина. – Когда планируете отъезд?

И тут Дмитрий задумался. Ведь ему нужно ещё дождаться ответа от человека, к которому попадёт его папка, а когда это будет?

– Давайте через пару месяцев...

– Нет проблем. – Женщина стала заполнять какие-то бланки. – Середина ноября вас устроит?

– Да.

Из посольства Дмитрий вышел сразу после оформления документов, хотя можно было ещё немного посидеть там, полистать красочные проспекты, пообщаться с другими отъезжающими. Ничего этого ему не хотелось. Настроение было гадкое, словно он обманулся в самых светлых ожиданиях, а цель, которая почти вырисовывалась до прихода сюда, снова надолго скрылась за горизонтом.

Поезд домой отправлялся поздно ночью, но это было как раз неплохо. Дмитрий собирался немного прогуляться по улицам, а потом позвонить старому школьному приятелю Павлу, который после окончания института женился на москвичке и перебрался жить в столицу. Однако гулять и разглядывать улицы постоянно меняющегося города ему сейчас не захотелось. Не то настроение. Отыскав телефон-автомат, Дмитрий глянул в записную книжку и набрал номер.

– Привет, Павлик! – сказал он другу. – Чем сейчас занимаешься? Я в Москве и мог бы с тобой встретиться...

Уже через полчаса Павел на своём новеньком «жигулёнке» подхватил Дмитрия и повёз к себе в Останкино. Он даже отпросился с работы, чтобы встретиться со однокашником.

– Жены сейчас дома нет, – жизнерадостно вещал он, – нам

мешать никто не будет. Посидим на славу, отужинаем чем Б-г послал, накатим по рюмке, поболтаем вволю... Я по тебе, чертяка, соскучился, ты даже не представляешь как!

Квартира у Павла была обыкновенной трёхкомнатной хрущёвкой на останкинской окраине, и в ней, помимо самого хозяина с женой, жили ещё две их дочери и старуха тёща. Жена была на работе, дочери в школе, а тёща не выходила из своей комнатухи.

– Ну, рассказывай, как там дома? – пропел Павел, едва они уселись в тесной кухоньке, наполнили по первой под яичницу, и тут же, не дожидаясь ответа, принялся хвастаться своими московскими похождениями: – Я недавно в одну компашку попал с певцами и музыкантами, а среди них была Алла Пугачёва. Баба – зверь, своего не упускает. Сразу на меня глаз положила. Ну, и мы с ней... муси-пуси...

– Врёшь! – усомнился Дмитрий.

– Конечно, вру! – сразу согласился Павел. – Но в одной компании точно были! А вообще-то у нас в Москве каждый день что-то интересное происходит, нужно только оказаться в нужном месте и в нужное время...

Как каждый бывший провинциал, он не упускал возможности лишний раз заявить о своей причастности к столице и уже демонстративно по-московски растягивал словечки. Это было наигранно и немного смешно, а он этого уже, казалось, не замечал.

– Перебирайся сюда, – уговаривал он Павла, – что тебе

делать в этой уральской дыре? Работу здесь рано или поздно найдёшь. Конечно, по специальности вряд ли, но на кусок хлеба хватит. А что ещё надо? Снимешь на первых порах комнатушку, я помогу, подругу подыщем – вон, у моей половины на фабрике их табун необъезженный. На какую ни глянь, любая за тобой пойдёт...

После второй выпитой рюмки на душе у Дмитрия посветлело, но он всё ещё не решался рассказать другу о том, что подал документы на выезд. Он только поддакивал Павлу, мол, ничего хорошего от этой перестройки нет, заводы закрываются, люди нищают, цены на продукты растут, а обещанных просветов не видно. Наконец, когда они, немного подустав за столом, вышли на лестничную площадку перекурить, Дмитрий сказал:

– А я подал документы на выезд в Израиль. Хочу уехать...

Павел ответил не сразу:

– Ты всё хорошо обдумал? Жалеть потом не будешь?

– Буду, наверное, – вздохнул Дмитрий, – но здесь мне совсем труба. Переезд в столицу – тоже не выход. Ты же понимаешь, что я гнилой интеллигент до мозга костей, и работать нигде, кроме как по инженерной части, не смогу. Мотаться челноком в Польшу за женскими колготками и губной помадой? Да для меня лучше с голоду помереть! Кто-то может перебороть себя, а я нет...

– Что ж, хозяин – барин. – Павел притушил окурок и разогнал ладонью дым. – А чем ты в Израиле собираешься зани-

маться? Думаешь, там тебя кто-то ждёт?

Дмитрий некоторое время раздумывал, стоит ли рассказывать про то, как он утащил в институте секретные документы и описание их только сегодня отнёс в посольство, чтобы сделать себе хоть какой-то задел для жизни в Израиле. Не побежит ли Павел стучать в компетентные органы на шпиона, крадущего военные секреты для заграницы? И тут же усмехнулся про себя: разве он один такой? Да и какие это секреты, если его лабораторию разогнали, темы прикрыли, а новые виды вооружения сегодня не актуальны»?

Слово за словом он рассказал всю свою эпопею вплоть до сегодняшнего не очень удачного похода в посольство. Теперь Павел слушал его внимательно, не перебивая, а потом вдруг сказал:

– Ну и на какой вы сумме с израильтянами сговорились?

– У нас вообще разговора о деньгах не было...

– Ты даёшь! – Павел даже стукнул кулаком по столу. – Разве подобные вещи так делают? Если твои разработки действительно представляют интерес для солдафонов, то ты должен чётко показать, что на хяляву они ничего не получат.

– Видишь ли, – Дмитрий развёл руками, – я только закинул удочку. Никаких секретов никому пока не передавал, только заявил о том, что у меня есть что-то. Как они отреагируют...

– И всё равно так дела не делают! – Павел попробовал снова наполнить рюмки, но бутылка оказалась пустой. – А ты

на эту тему разговаривал только с израильтянами?

– Ну да, я же еду в Израиль.

– А американцы? Они побогаче будут.

– Про американцев я не думал. Да и где я, а где американцы!

Павел молча встал из-за стола и полез в кухонный шкафчик за новой бутылкой водки.

– Есть идея, – наконец, выдал он, – я тебе помогу. Ясное дело, не безвозмездно, но если дело выгорит, то все мы будем в шоколаде. Есть у меня на примете один человек, который работает в филиале американской фирмы. Так вот, у него есть выход на американское посольство, притом не на каких-то простых сотрудников, а на тех, кто собирает действительно серьёзную информацию. Поговорить с ним?

– Думаешь, будет толк?

– Одно точно знаю: это люди серьёзные, и не нужно кого-то ловить за рукав и уговаривать, чтобы тебя выслушали...

– Попробуй, вдруг получится. – Дмитрию стало совсем легко на душе. И даже не от водки, которой в этот вечер было выпито немало, а от того, что кто-то проявляет к нему участие и хочет помочь. – Если получится, то все мы в накладе не останемся. Это я тебе точно обещаю.

– Всё на самом деле не так просто, – продолжал заливать-ся соловьём Павел. – О чём я буду говорить с американцами? Нужны какие-то документы, описания – я знаю? – ведь

не на пальцах же им показывать, что ты изобрёл.

– У меня сейчас с собой ничего нет, – сразу помрачнел Дмитрий, – я папку с описаниями в посольстве оставил. А основные материалы дома.

Некоторое Время Павел раздумывал, потом махнул рукой:

– Давай поступим так. Ты сейчас набросай на листке бумаге самое-самое интересное, и я этот листок передам, кому нужно. И твои координаты для связи.

– Какие координаты? Я же через два месяца уезжаю. Где они меня потом искать будут?

– О, ты эту публику не знаешь! – захохотал Павел. – Если чем-то заинтересуются, то из-под земли достанут. И в Израиле тебя разыщут. Но, я уверен, они объявятся раньше, ещё до твоего отъезда... Только ты меня потом не забудь, ладно?

Но до самого отъезда никто Дмитрию не позвонил – ни израильтяне, ни американцы. Уезжал он с тяжёлым сердцем. Все его хлопоты, казалось, пошли насмарку. Одна надежда, что в Израиле удастся пробиться хоть на какую-то инженерную работу. А там – куда кривая выведет.

Израиль Сентябрь 2011

– Ну, как впечатление от поездки? – спросил Сашка, едва мы встретились в «Балагуре», как и договаривались накануне. – Не сильно тебя наш подопечный прессовал?

– С чего? – усмехнулся я. – Давид – мужик правильный. Мы с ним почти друзьями стали. С ним вполне можно беседовать на любые темы, правда, его заносит иногда не туда, куда следует, но понять его можно – достали его окружающие своей назойливостью.

– Ты так считаешь? – Сашка пристально посмотрел на меня. – А ты ничего странного в его поведении не заметил?

– Вроде нет. Мы с ним посидели, чаю попили, – зачем-то приврал я, – обменялись взглядами на жизнь. Ну да, одолевает мужика некоторая мания величия, но ведь не на пустом же месте. Что-то он нащупал и, вероятно, что-то изобрёл. Так ведь это, на мой взгляд, его шанс как-то преуспеть в жизни. Если уж повезло, надо эксплуатировать находку. Я бы поступил на его месте так же.

– Эксплуатировать? – покачал головой Сашка. – Если бы всё так просто было... Проблема, понимаешь ли, в другом. То, что им заинтересовались мы и налоговая служба, это ещё цветочки. Это верхний слой. Им заинтересовались и другие

серьёзные люди. Так что это уже не игрушки.

– Бандиты, что ли? – усмехнулся я. – Или разведка?

– Понятия не имею, но знаю, что это не простой интерес.

– Ну, и что этим серьёзным людям от него надо? Лечить радикулит или стирать память у потенциального врага? Неужели всё так серьёзно?

– Более чем. Я с тобой вчера не стал говорить об этом, потому что не было ясно, сумеешь ли ты с Давидом установить контакт. До тебя это почти никому не удавалось, и это делает тебе честь.

– Честь – финансовую? – попробовал я поддеть Гольдмана.

– Всему своё время... Будем продолжать дальше. В ближайшее время с тобой хотел бы встретиться один человек, который даст тебе конкретные инструкции. Я-то в этих вопросах не очень разбираюсь, а он специалист. Будешь работать с ним. Ну, и я тебя, конечно, не буду забывать.

Я почесал затылок и протянул:

– Что-то мне это дело нравится всё меньше и меньше. Я и в полицию не сильно влюблён, а тут ещё кто-то... Не хочу работать со специалистами! Надоели мне ваши детективно-мистические заморочки. Книжечку почитать или фильм про пиф-паф посмотреть – это куда ни шло, а самому в капкан лезть... Нет, уволь, брат.

– Тут, понимаешь ли, игра в одни ворота. Поздно отказываться. Раз уж начал, то продолжай. Да и не задаром всё это –

ты в обиде не будешь.

– Не хочу! – упёрся я. – Если бы ты сразу сказал, что встреча не будет одноразовой, я бы отказался. Но ты попросил, и я выполнил твою просьбу. Потому что мы друзья. Встретаться же с какими-то посторонними людьми – на это я не подписывался. Это уже перебор. Я на прежней родине уже имел счастье общаться с гебешниками. Всё вроде бы начиналось со светской беседы, а потом птичка увязла – сперва просьба, потом задание – подсматривать, подслушивать. Еле открутился... Хватит, мы такое проходили, и всё это я с удовольствием хочу забыть. Дурно это пахнет!

– Ну, ты сравнил! – Сашка начал сердиться. – Не путай одно с другим!

– Вот и я про то! Тогда у меня выбора не было, а сегодня я имею право отказаться. Всё-таки в свободной стране живём...

– Ты уверен? Всё-то ты знаешь... Спецслужбы везде действуют одними и теми же методами.

– Ага, вот и выплыло заветное словечко – спецслужбы! Знаешь, любезный мой Саша, я уже сказал, что в шпионы не гожусь и даже пробоваться на эту роль не собираюсь. И не уговаривай. Эта тема для нас с тобой закрыта. Водки выпить, шашлычка замутить, анекдоты про тещу потравить – это пожалуйста, но не более.

На некоторое время Сашка замолчал, лишь поглядывал то на меня, то на девочку-официантку в короткой замшевой

юбке, и было абсолютно ясно, на кого ему любоваться приятней.

– Знаешь что, – вздохнул он, – я доложу кому следует о твоём решении, но, пока суд да дело, выполни мою последнюю просьбу: встретиться с Бланком ещё разок, как вы договорились, а?

– О чём мне с ним теперь беседовать? – не унимался я. – Да мне теперь стыдно ему в глаза смотреть будет! Человек ко мне со всей душой, а я – его секреты вынюхивать. Что он обо мне подумает?

– Всё это не бесплатно, – напомнил Сашка. – А вообще-то ты дурак! Тебе подвернулась возможность поработать с серьёзными ребятами, – заметь, не бандитами! – а ты кочевряжишься. Если всё пройдёт успешно, то такие бабки срубишь... Или ты больше зарабатываешь в сторожах?

– Но закладывать того, кто об этом не подозревает...

– Перестань! Это было, есть и будет, пока земля вертится!.. Ну, твоё последнее слово?

Я сидел и тупо разглядывал свою чашку с кофе. Разговаривать с Гольдманом мне было противно, и хотелось поскорее уйти, хотя я понимал, что отвязаться от него не легко.

– Ладно. Встречусь с твоим Давидом ещё раз. Как и обещал ему. Но... что вам от него надо?

Сашка облегчённо вздохнул и быстро заговорил:

– Ты воспринимаешь всё чересчур серьёзно, а дело наверняка выеденного яйца не стоит. Вполне может оказаться,

что никаких секретов нет, и этот таинственный Давид самый натуральный мыльный пузырь. Просто нужно во всём разобраться. Да и я уверен, что ничего серьёзного в его изобретениях нет, потому что современная наука, извини меня, находится на таком уровне, что в одиночку ничего нового уже не сделаешь. Тут целые исследовательские центры трудятся, а этот гений-одиночка...

– Тогда для чего вся эта возня? – не унимался я. – Отпустите меня и его с миром. И ваших денег мне не надо.

Тут уже Гольдман рассвирепел не на шутку:

– Хватит! Сколько можно тебя уговаривать?! Ты как старая шлюха – и денег хочешь срубить, и лицом в грязь не ударить. Так не бывает!.. Ещё одна встреча с ним – и катись на все четыре стороны!

Его гнев, как ни странно, меня развеселил, и я выдал:

– Поклянись мамой, что встреча будет последней. Дай слово джигита!

Сашка минуту изумлённо разглядывал меня, потом его лицо посветлело:

– Ну и гад же ты! Всю кровь у меня высосал!.. Ладно, проехали. Когда к нему собираешься?

– Мы с ним созвонимся.

Официантка в короткой юбке принесла нам ещё по чашке кофе и включила за барной стойкой музыку. Соседние столики постепенно заполнялись людьми, и в кафе стало шумно.

Сашка придвинулся ко мне поближе и сказал:

– Когда поедешь к Давиду, оставайся, пожалуйста, в той же куртке, что был и в прошлый раз.

– Я всегда в одной и той же куртке, – удивился я и похлопал себя по карману, – у меня в ней документы, сигареты... А почему ты об этом говоришь?

– Э-э, брат, невнимательный ты, – усмехнулся Сашка, – в шпионы точно не годишься. Вот, гляди... – Он протянул руку к моему воротнику и вытащил тонкую булавку с маленьким бесцветным шариком на конце.

– Что это? – опешил я.

– Микрофон, который я поставил в твой воротник при первой нашей встрече. Чтобы контролировать вашу встречу с Давидом. А ты его не заметил.

– Так вы всё прослушивали без моего ведома? Для чего тогда встреча сегодня? Вербовка в штатные стукачи?

– А как ты сам думаешь? Конечно, ваш разговор записан. А встретились мы сегодня для того, чтобы поговорить о дальнейших планах. Ну, и послушать твоё личное мнение о Давиде... Помимо всего, мы опасались, что он может повести себя по отношению к тебе агрессивно...

– И что бы вы сделали? Послали бы спецназ спасать меня? Или скорую помощь, чтобы отвезти в психушку восстанавливать память?

– Дело в том, что Давид умеет не только стирать память, – медленно проговорил Гольдман, – но и делать кое-что посе-

рвѣзней.

– Что, например?

– Об этом с тобой поговорит другой человек, не я. Ему и задашь вопросы. А пока... я верну микрофон на место, и ты его не трогай. Хорошо? Это очень важно для твоей же безопасности.

Я пожал плечами и позволил снова воткнуть булавку с микрофоном себе в воротник. После этого Гольдман встал из-за стола и поглядел на часы:

– Всё, убегаю, время поджидает. А ты, пожалуйста, не выключай свою мобилу, тебе позвонят и назначат встречу.

– Я ещё не дал окончательное согласие!

Сашка глянул на меня исподлобья и ухмыльнулся:

– Ошибаешься, дал, уже дал!..

После его ухода я некоторое время сидел в кафе и тупо разглядывал пустую чашку из-под кофе, мысленно посылая проклятья в адрес своего друга и всех, кто за ним стоит. Самое ласковое из пожеланий заключалось в том, чтобы какой-нибудь Давид Бланк стёр им память, и они больше ни разу не вспомнили обо мне.

Но память у них, к сожалению, была прекрасной, тут иллюзий питать нечего. И обидней всего было то, что я чувствовал, как эта публика разыгрывает какой-то третьесортный детектив, используя меня как банального болванчика. Раз уж мне единственному из всех удалось установить контакт с Давидом, то выдайте хотя бы о нём побольше инфор-

мации, чтобы я не блуждал во тьме, а целенаправленно выяснял всё, что необходимо. Так нет – всё порциями, и ещё какие-то инструкции нужно от кого-то получить... А потом они отвяжутся? Фигушки! С другой стороны, кто я такой для этой заинтересованной публики? И в самом деле болванчик, который выполнит свою часть дела и о нём забудут. Хорошо, если просто забудут...

Что ж, печально подытожил я, будем играть отведённую роль. Пообщаюсь вечером с Сашкиным человеком, получу наставления, намекну на оплату и съезжу последний раз к Давиду. А после плюну в наглуую Сашкину рожу и воткну ему в задницу шпионскую снасть – микрофон на иголке! Вот так, ни больше, ни меньше.

После разработки такого сурового воинственного плана пыл мой заметно угас, и я, полностью удовлетворённый грядущим гипотетическим мщением, отправился домой. Душу мою теперь переполняла не столько злость на Гольдмана и его покровителей, сколько брезгливость. И не потому, что в своих играх они отводили мне самую низовую роль, просто мне ничего больше от них не хотелось. Даже, по большому счёту, их денег. Лучше я буду по-прежнему, удобно устроившись на диване, читать детективы и смотреть по телевизору сериалы, попивая пивко. Такое времяпрепровождение устраивает меня куда больше. И трудиться в своей охране.

Но не успел я зайти к себе домой, как в моём кармане запел мобильник. Вместо приветствия низкий бархатистый

голос сразу поинтересовался:

– Я могу говорить сейчас с вами?

– Можете.

– Ваш приятель Алекс Гольдман просил меня встретиться с вами. Вы готовы?

– Ну, если просил... – затянул я, однако голос меня перебил:

– Вот и хорошо. Через полчаса вам подходит?

Круто они взялись за меня, подумал я и вздохнул:

– Подходит. Где встретимся?

– В том же кафе «Балагур», где вы беседовали с Алексом.

– Как я вас узнаю?

– Не беспокойтесь, я сам к вам подойду. Заодно и поужинаем.

– В общем-то, я не голоден...

Неизвестный собеседник хмыкнул на том конце провода:

– Не беспокойтесь, за ужин заплачу...

Вот он, мой первый заработок в виде бесплатного ужина, подумал я. Сидение у телевизора и чтение детективов под пиво откладывалось на неопределённый срок. Вздохнув, я снова натянул брошенную на стул куртку, поменял домашние тапочки на сандалии и отправился к своей машине.

Знакомое кафе было в этот вечерний час почти пустым. Официантка в короткой юбке кивнула мне, как старому знакомому, и улыбнулась. Повторно присаживаться в течение часа за один и тот же столик у окна даже ей, наверняка на-

смотревшейся здесь всякого, было смешно и странно. Сев, я молча уставился на барную стойку. Разыскивать взглядом своего будущего собеседника я принципиально не хотел. Ему нужно – пускай и ищет.

– Что будем заказывать? – Официантка остановилась в двух шагах от меня и смерила взглядом, потом, подмигнув, перешла на русский: – Опять кофе или что-нибудь покрепче?

Пить третью чашку кофе на ночь, это уже перебор, поэтому я обречённо вздохнул:

– Сто граммов водки и тарелку квашеной капусты. Чтобы потом мордой в неё...

– Капусты нет, а салатик принесу, – засмеялась официантка. – Да и водки вам сто граммов будет явно недостаточно. Вы чем-то расстроены?

А ведь верно подметила: физиономия у меня сейчас не лучится радостью. Но делиться с ней своими проблемами мне не хотелось. Я послушно кивнул головой и отвернулся.

Заказ она выполнила быстро, и тут же исчезла. Выпив стартовую рюмку, я стал без особого энтузиазма ковырять вилкой овощной салат и прислушиваться к собственным душевным позывам. Вопреки ожиданиям, водка настроение не подняла, а наоборот усилила мои печали и обиды.

Какого чёрта я связался в эту игру? Вечно меня тянет на приключения. Жил бы себе спокойно и не высовывался. Пригласил меня Сашка пообщаться – посидели бы с ним, и,

если бы я сразу решительно отказался куда-то ехать и с кем-то знакомиться, ничего бы в итоге и не было. Так ведь нет...

Стоп, лучше размышлять о чём-то более приятном, а неприятности решать по мере их поступления. Тем более ничего плохого пока не произошло, хотя какое-то шестое чувство подсказывало мне, что гадости ещё впереди... Лучше пофантазируем про то, какие деньги отслонявит Сашкино полицейское начальство – или кто там ещё? – за мою героическую работу. Насколько помню, Иуда продал Христа за тридцать сребреников. Интересно, какой был бы сейчас курс сребреника по отношению к шекелю? Надеюсь, сумма достойная... для нас с Иудой. От сравнения себя с известным библейским персонажем у меня на душе немного потеплело. Правда, Давид Бланк далеко не Иисус, хоть и грозил богобоязненным соседям стать Б-гом.

Можно, пожалуй, по этому поводу пропустить ещё рюмочку, а там подойдёт обладатель бархатного голоса, накормит меня царским ужином и насыплет полную мошну сребреников. И, кстати, что это он задерживается?

Я выглянул в окно и заметил, как на немногочленной в этот вечерний час улице бодро вышагивает по направлению к кафе высокий бритый наголо мужчина. Заметив меня, он улыбнулся и помахал рукой.

Некрасиво получается, пронеслось у меня в голове, сейчас он придёт инструктировать меня, а я, не дождавшись обещанного ужина, уже глушу водку. Ну, да ладно, пускай

эта публика знает, с кем имеет дело...

И тут на улице произошло что-то невероятное. Из-за перекрёстка на красный свет выскочила тёмная машина с потушенными фарами и, слегка виляя, быстро понеслась навстречу моему инструктору. Я даже сообразить не успел, что происходит. Раздался глухой удар, что-то заскрипело и хлопнуло, и мужчина, неловко взмахнув руками, подлетел в воздух и упал на тротуар, зацепившись носком ботинка за бордюр. Набирая скорость, машина пронеслась мимо кафе и, так же виляя из стороны в сторону, исчезла за поворотом. Где-то заверещали припаркованные машины, раздались чьи-то испуганные крики, но всё уже было кончено.

Украина Октябрь 1995

Сашке – или, как его потом стали звать на израильский манер, – Алексу Гольдману везло всегда. Он вообще считал себя везунчиком и человеком удачливым, которому легко покорялись поставленные задачи. И ведь так оно, по сути дела, и было.

Ещё до отъезда в Израиль, у себя дома, в большом украинском городе, он имел всё, что хотел. Потребовалось дать отпор дворовым хулиганам в детстве, и он записался в спортивную секцию дзюдо, где за короткое время дорос до кандидата в мастера спорта. А потом, когда стал старше, увлёкся борьбой серьёзно и шаг за шагом стал продвигаться к медалям. Олимпийских вершин, правда, не достиг, но стал мастером спорта и периодически вывешивал на стену медали разного достоинства, добытые в первенствах Украины, а потом и Союза.

Благодаря спорту, у него появились влиятельные друзья, которые помогали успешно продвигаться по жизни. Стать на закате спортивной карьеры тренером он не захотел, зато ему хотелось романтики, где его умение пригодилось бы в полном объёме, и он пошёл работать в милицию. Полгода потоптав землю в шкуре участкового, он поступил в юриди-

ческий ВУЗ, закончил его и с помощью влиятельных друзей перевёлся на элитную по милицейским понятиям работу – в уголовный розыск. Тут уже романтики было выше крыши, однако совсем не той, которой хотелось. Погони, единоборства и перестрелки, конечно, случались, однако больше было бумажной работы и выяснений отношений с начальством. А это его не устраивало никак.

К тому времени он познакомился со своей будущей женой Светой, которая была участницей сборной команды республики по гимнастике, и пропустить мимо себя эту очаровательную украиночку Сашка не мог. Да и ей понравился симпатичный черноглазый крепыш с накачанными плечами, на которых к трём лейтенантским звёздочкам вот-вот должна прибавиться четвёртая, капитанская.

Сашкины родители против свадьбы не возражали. Лишь дед, который всё ещё не мог забыть родное местечко, немного побурчал про то, что негоже еврею брать в жёны нееврейку, но кто же его будет слушать?

После свадьбы Сашка продолжал работать в милиции, но отсутствие особого рвения по части сочинительства отчётов и расшаркивания перед начальством тормозило его дальнейшее продвижение, а Света после рождения первенца перешла на тренерскую работу в местный спортивный клуб. И жили бы они в любви и согласии до скончания веков, только началась перестройка, и их благополучие стало давать трещину.

Милицейские зарплаты почти не росли в отличие от цен на продукты, а работы по отлову расплодившегося уголовного отребья прибавилось во много раз. Выяснилось так же, что и спортивному клубу уже не требуются тренеры по гимнастике, так что вместо любимых Сашкой выездов на природу под шашлычки и водочку теперь приходилось ограничиваться в редкие свободные от работы дни скучным сидением у телевизора и пивом под варёную картошку, денег на которую пока хватало.

Нужно было предпринимать какие-то кардинальные шаги, дабы не впасть в беспросветную нужду, в которой уже копошились многие из знакомых. У влиятельных друзей, всегда выручавших Сашку, теперь были другие заботы, и им было совсем не до скромного опера, который к тому же забросил большой спорт, хоть и периодически являлся в спортивный зал поддерживать форму.

Нужно мотать за границу, решил Сашка, и Света не возражала. У неё были дальние родственники в Канаде, с которыми они переписывались, и те постоянно приглашали их приехать погостить. Но когда Света сообщила, что хотела бы перебраться в Канаду на постоянное место жительства, письма и телефонные звонки сразу прекратились. Некоторое время Света всё ещё пыталась дозвониться до них, но никакого результата не было, и она смертельно обиделась.

– Не хочу никакой Канады, – заявила она Сашке, – поехали в твой Израиль. Там никаких родственников искать не на-

до. Ты мужик головастый, сумеешь и там пробиться в полицию, а я... я что-нибудь придумаю. Уверена, что мне и там найдётся местечко в каком-нибудь фитнес-клубе. Везде есть девочки, которым хочется иметь красивую спортивную фигуру. Не сошёл свет клином на нашей незалежной!

Сборы были недолгими. Ни машины, ни недвижимости у Сашки не было, а то, что было, он с лёгким сердцем оставил родителям и родственникам жены. Многочисленные друзья, если и не выражали большого восторга по поводу его отъезда, то, по крайней мере, относились к его выбору с пониманием.

Неожиданное препятствие возникло со стороны Сашкиного милицейского начальника полковника Горбатенко.

– Значит, уезжаем? – сказал тот, изучив Сашкин рапорт. – Покидаем Родину в трудную минуту?

– Мне, знаете ли, пожалуй, сегодня не легче, чем Родине, – попробовал отшутиться Сашка, тем более ничем полковник навредить ему уже не мог. – Да и родители у меня здесь остаются, собираюсь их по мере возможности навещать. Думаю, оттуда я смогу им помогать гораздо больше, чем смог бы здесь.

– Да я не о том! – отмахнулся полковник. – Как же так: честь милиционера для тебя пустой звук? Поманили сладкой западной конфеткой – и ты рад стараться, бросаешь Родину, которая тебя вырастила и воспитала, дала тебе специальность и... – Что ещё дала Родина, полковник вспомнить

с ходу не мог.

Сашка хотел было ответить что-нибудь в подобном казённом духе, но дразнить старика не хотелось. Тому два года до пенсии, и выдай Сашка что-то, о чём никогда раньше вслух не говорил, чего доброго старика кондрашка хватит. Он не то чтобы недолюбливал Горбатенко, просто въедливость и занудство старика нередко доводили его до белого каления. Не дай Б-г вовремя не подай отчёт или неверно оформи протокол...

– Тебе у нас плохо жилось? – продолжал экзекуцию Горбатенко. – Или... – тут он слегка запнулся, – кто-то в милиции упрекнул тебя в еврейском происхождении?

– Было дело, – откликнулся Сашка, – и не раз, но сейчас всё это мелочи...

– Ну, так это ребята не со зла, шутки у них такие, – отмахнулся полковник, – а как меня поливают, надеюсь, тебе рассказывать не надо? Да что тебе говорить, ты и сам, небось, за глаза... А чем мы тебе ещё не угодили?

– Не об этом я пришёл беседовать, Василий Степанович, – нахмурился Сашка, – подпишите рапорт и – до свиданья.

– Э-э, брат, так быстро дела не делаются! – даже развеселился старик. – Значит, так. Даю тебе день на размышления. Хорошо всё обдумай, ещё раз с женой посоветуйся, а потом приходи. Не придёшь – буду только рад. Порву твой рапорт и – никакого разговора между нами не было. Договорились?

– Я не передумаю, всё уже решено.

– Сказал, приходи завтра – значит, завтра!

Что он воду мутит, раздумывал Сашка по дороге домой, всё равно никуда не денется и подпишет. Ох, эти старорежимные буквоеды!

Но и на следующий день быстро расстаться с полковником Горбатенко ему не удалось. Старик вытащил из папки Сашкин рапорт и принялся изучать с таким интересом, будто увидел впервые. Сашка стоял у стола и чувствовал, как в нём растёт раздражение. По всему миру люди ездят, куда им захочется без всяких разрешений и бумажек, поселяются и живут там, где им нравится, а здесь...

– Ну, не передумал? – не отрываясь от чтения, спросил Горбатенко.

– Нет. Я ещё вчера сказал об этом.

– Хорошо, я подпишу, но... – Горбатенко поднял голову и посмотрел на Сашку, – с тобой хочет побеседовать один человек. От него многое зависит. Рекомендую, разговаривать с ним не так, как со мной. Не дерзить.

И тотчас вышел из кабинета, а вместо него появился невзрачный мужчина в сером стандартном костюмчике и присел на полковничье место.

– Надеюсь, догадались, из какой я организации? – спросил он тихим голосом и притянул к себе листок с Сашкиным рапортом.

– Да уж, почувствовал.

– Вы присядьте, потому что разговор у нас будет длинный.

Или наоборот очень быстро закончится. Всё зависит от вас.

Сашка присел на стул, на который Горбатенко всегда усаживал распекать особо отличившихся подчинённых. Но сегодня Сашка уже был не во власти милицейского начальства, да и не во власти этого мужичка с мягкими кошачьими повадками. Через несколько дней он сядет в самолёт и улетит от всей этой публики, общение с которой его всегда угнетало и до последнего времени не приносило ничего хорошего.

– Печально, что вы покидаете Родину, – притворно вздохнул мужчина, – но ничего не поделаешь, это ваш выбор. Препятствовать вам никто не имеет права...

– Я сейчас заплачу от умиления! – Сашка даже хихикнул, вслушиваясь в его гладкие казённые слова.

– Напрасно иронизируете, – погрозил мужчина пальцем, но улыбка пока не покидала его лица, – есть достаточно много зацепок, чтобы вас не выпускать. Ваша украинка-жена поедет в Израиль, а вы еврей, останетесь здесь. Как вам такой абсурд?

– И что это за зацепки?

– А вы не понимаете? С документами под грифом «секретно» работали?

– Практически нет. Какая у нас в уголовке секретность? Все дела, которые я когда-то вёл, закрыты, а какие-то инструкции для внутреннего пользования – вы их имеете в виду?

– Не важно. Но даже этого, поверьте, достаточно, чтобы

закрыть вам выезд лет на пять, а то и больше.

Сашка скрипнул зубами и опустил голову:

– Что вы от меня хотите?

– Практически ничего. – Мужчина встал из-за стола и стал прохаживаться по кабинету. – Вас никто не собирает тут задерживать, летите на здоровье, куда хотите. Нам нужно от вас всего лишь одно маленькое обещание...

– Вербуете в тайные агенты? – невесело усмехнулся Сашка. – Только я ещё и сам не знаю, чем буду заниматься в Израиле. Возможно, меня ждёт там лопата или что-нибудь не менее экзотичное.

– Не прибедняйтесь, – мужчина даже похлопал его по плечу, – вы же офицер, и у вас есть навык оперативной работы, так что вам и карты в руки... А в агенты мы вас не вербуем, уровень у вас не тот, уж извините за откровенность.

– Чем я могу тогда вам пригодиться?

– Спокойно езжайте с семьёй, устраивайтесь, работайте, кем хотите, хоть на той же самой лопате. Никто вас тревожить не станет. Но... – Мужчина поднял кверху указательный палец. – Может возникнуть ситуация, когда от вас потребуется помощь. И нам важно знать, что если наш человек к вам обратится, вы его не прогоните.

– Накормить, напоить и спать уложить?

– Иногда и такое необходимо.

– Я должен сейчас подписать какие-то бумаги?

Мужчина, кажется, окончательно развеселился:

– Фильмов про шпионов насмотрелись? Какие бумаги? Если вы окажетесь человеком непорядочным и лживым, то сразу по приезду побежите в соответствующие израильские конторы рассказывать, как вас путём шантажа заставили подписать расписку о сотрудничестве с органами. Так что от бумаг толку нет... Мне важно увидеть вашу реакцию на моё предложение. Кроме того, мы неплохо оплачиваем труд людей, которые помогают нам за рубежом. Ну, я вас убедил?

Сашка неопределённо пожал плечами и ничего не ответил.

– Хотите ещё денёк-другой подумать над моим предложением? – не отставал мужчина.

– Нет. – Сашка тяжело вздохнул и посмотрел ему в глаза. – Нет у меня времени раздумывать... Мне нужно будет с вами связаться, когда приеду в Израиль?

– Вот совсем другое дело! – почти пропел мужчина. – Об этом не беспокойтесь. Как говорят в шпионских фильмах, мы сами разыщем вас. Вы только помните, что человек, который придёт от нас, передаст вам привет... ну, скажем, от Василия Степановича.

– От Горбатенко?!

– Да хоть от него... Ещё вопросы есть?

– Вроде нет.

– Тогда можете идти. И счастливого вам пути!

Сашка встал, перевёл дыхание и вдруг вспомнил:

– А рапорт? Когда его полковник подпишет?

– О рапорте не беспокойтесь. Спокойно идите и собирайте вещи для отъезда. – Мужчина хмыкнул и прибавил: – И не забудьте прихватить с собой томик Шевченко.

– Зачем?

– Для жены. Не одного же Шолом-Алейхема ей там читать...

Последний раз Сашка шёл по коридорам управления, и ему почему-то очень не хотелось встречаться с бывшими сослуживцами. Все, конечно, знали о его отъезде, но лишний раз выслушивать слова прощания, будто его хоронили заживо, было для него пыткой. Где-то за дверями отделов слышались голоса, два бодрых сержанта провели мимо него избитого кавказца в наручниках, где-то плакала женщина – всё шло своим чередом, как и в любом милицейском подразделении.

И ещё очень не хотелось встретить напоследок Горбатенко. В принципе, ничего плохого полковник ему не сделал, а пару раз даже прикрыл от прокурорского гнева. Его же занудство и буквоедство – что ж, у каждого свои тараканы в голове. Будем помнить о нём только хорошее, решил Сашка и вышел на улицу.

Если до похода к начальству где-то в глубине души было смутное сомнение в том, не совершает ли он ошибку, так поспешно уезжая в Израиль, то теперь сомнений не было. Общение с гебешником только подстегнуло скрытое недо-

вольство, которое, оказывается, вызревало в нём издавна, но до сегодняшнего дня он старался не обращать на это внимания, считая, что таковы правила игры, и никуда от них не деться. Хоть никаких формальных обязательств он сегодня не давал, всё равно было крайне неприятно.

Сашка глубоко вздохнул и пошёл домой, твёрдо решив, что ничего ни для кого делать не будет. Пускай его находят и передают приветы хоть от Горобченко, хоть от самого министра внутренних дел. Там-то они уже ничего ему не смогут сделать, а он сможет – послать всех на три весёлые буквы...

Израиль Сентябрь 2011

Не отрываясь, я глядел в окно кафе, и руки у меня подрагивали. Водка, которую я собирался допить до прихода моего инструктора, осталась нетронутой.

– Ни хрена себе! – только и бормотал я беспрерывно, потом зачем-то торопливо вскочил из-за стола и выбежал на улицу.

Вокруг лежащего мужчины уже собрались люди, и кто-то истошно кричал в трубку сотового телефона, вызывая скорую помощь. Но было уже ясно, что «амбулансу» можно не спешить. Мужчина был мёртв.

Я медленно шёл к трупу и вдруг словно наткнулся на преграду. Неясная и страшная догадка пронзила меня: а ведь этот мужчина шёл именно ко мне, и кто-то подстерёг его, наверняка зная, куда он направляется! За что его убили? По неосторожности? Мог ли он стать случайной жертвой местных бандитов, с завидным постоянством прореживающих своё расплодившееся поголовье? И сам себе тотчас ответил: вряд ли...

На негнущихся ногах я вернулся за свой столик в кафе, налил рюмку водки, выпил её, а потом налил ещё одну. В голове был полный сумбур. Руки подрагивали, но я полез в кар-

ман за телефоном и набрал номер Сашки Гольдмана. Продав минуту и услышав, что абонент недоступен, я уронил руки на стол. Именно такое развитие событий я почему-то и предполагал.

Тем временем к лежащему на тротуаре мужчине подкатил мигающий пёстрыми тревожными огнями «амбуланс», а следом полицейская машина. В сгущающемся сумраке блики от их мигалок весело скользили по сторонам, выхватывая из тени то толпящихся людей, то какие-то блестящие приборы врачей, то серые плитки тротуара. Наконец, труп погрузили на носилки, и «амбуланс» укатил, уже не завывая сиреной, как вначале. Полицейская машина пока осталась на месте происшествия, и один из копов направился к кафе, где я заседал, опрашивать свидетелей.

Он присаживался за столики к немногочисленным посетителям, что-то спрашивал и переходил к следующим. Наконец, дошёл черёд до меня. Механически отвечая на стандартные вопросы, я бессмысленно разглядывал полицейского и почему-то думал, знаком ли он с Сашкой Гольдманом или нет. Однако спрашивать не стал, лишь сообщил, что да, машину, сбившую человека, видел, но номеров не рассмотрел, потому что всё произошло стремительно. О том, что погибший направлялся ко мне, я благоразумно сообщать не стал.

После ухода полицейского, я некоторое время сидел неподвижно, а потом меня стала бить крупная дрожь.

– Вам плохо? – раздался за спиной голос девочки-официантки.

– Да, подобных вещей я ещё не видел... Шёл себе человек по улице, здоровый и полный сил, по каким-то своим делам, а его раз – и сбивают... Мгновение – и его больше нет. Страшно...

– Я принесу вам ещё водки. Хотите? – скорее утвердительно, чем вопросительно, сказала официантка.

– Несите...

Через минуту на моём столе появился новый графинчик. Не дожидаясь салата, я выпил очередную рюмку, и вдруг меня начало тошнить. Неуверенно поднявшись, я махнул рукой официантке и помчался к туалету.

Когда я вернулся к столику, вытирая на ходу лицо бумажной салфеткой, девочка-официантка присела напротив меня и громким шёпотом сообщила:

– А ведь я обратила внимание, что этот мужчина направлялся именно к вам. Ведь так? А вы об этом полицейскому не сказали.

– Ну и что? – поморщился я. – Какое вам дело до этого?

– Ровным счётом, никакого. – Девушка пожала плечами, но не ушла. – Вот мне и кажется, что убийли его совсем не случайно, и вы должны знать причину. Я ещё днём обратила на вас внимание, когда вы сидели здесь с полицейским.

– Ошибаетесь, – сразу насупился я и стал врать, – нет никакой связи между моей встречей со знакомым полицейским

и смертью этого мужчины. Я и увидел-то его всего за минуту до гибели.

– Неужели? – хитро прищурилась официантка. – Ну, не хотите рассказывать, не рассказывайте.

– Почему я должен вам что-то рассказывать? – удивился я. – Кто вы такая?

Это прозвучало настолько грубо, что девушка молча встала и отошла от столика в глубину кафе.

Я просидел ещё минут двадцать, допил водку и без аппетита поковырял вилкой в новой порции салата, а потом решил, что пора уходить, ведь дожидаться мне уже некого, тем более, посетителей почти не осталось, и кафе закрывалось – коренастая тайландка мыла полы, а юноши-официанты таскали на кухню какие-то гремящие эмалированные посудыны.

Кивком я подозвал любопытную официантку, чтобы расплатиться, и она тотчас подошла ко мне, наверняка собираясь снова пытаться своими расспросами.

– Чувствую, вам совсем плохо, – сказала она.

– Вам-то какое дело до всего этого? – опять огрызнулся я, отдавая деньги. – Вам больше заняться нечем?

– Мне кажется, вам грозит опасность.

– С чего вы взяли?!

– Я вижу, как вы нервничаете и всё пытаетесь дозвониться кому-то. Наверняка вашему полицейскому.

– Ваша фамилия, милая, случайно не Мегрэ или миссис Марпл?

– Нет, – усмехнулась девушка, – моя фамилия Новикова.

– Так вот, мисс Новикова, – встал я из-за стола, – до свиданья...

– Я думаю, вам нельзя сейчас домой, – не обращая внимания на мои слова, сказала официантка, – там вас может ожидать опасность.

– Вот так! – удивился я её категоричности и нахальству. – И почему вы так решили, мисс?

– Чутьё, – коротко ответила она и прищурилась. – Если хотите, можете эту ночь переночевать у меня.

Тут уже я невольно усмехнулся:

– Это новый способ съёма клиентов? Дополнительный заработок к чаевым?

– Дурак! – сплюнула девушка и отвернулась, но не ушла. – Вы всем, кто хочет вам помочь, хамите?

– Нет, только особо наблюдательным и настойчивым...

Я уже и сам чувствовал, что перебираю и при другом раскладе никогда не позволил бы себе выдавать такие пошлости женщине, но сейчас остановиться не мог.

И тут мне на помощь пришёл мой телефон, неожиданно разразившись громким переливчатым звонком. Я поглядел на табло, но номер не определялся. Может, наконец, откликнулся Гольдман? Я поднёс трубку к уху, но никто не отозвался, на другом конце провода была мёртвая тишина. Может, у Сашки возникли какие-то проблемы со связью? Ну, да ничего, перезвонит ещё раз.

Несколько минут я тупо разглядывал молчавший телефон, но звонка больше не последовало. Если это был Сашка, он обязательно перезвонил бы с другого, исправного аппарата.

– Ну, что я вам говорила? – напомнила о себе официантка.

– А что вы говорили? – Я непонимающе смотрел на неё, и на душе почему-то заскребли кошки.

– Про опасность, которая вам, вполне вероятно, угрожает. – Девушка сдвинула свои тоненькие бровки и даже процертила в воздухе какую-то фигуру. – Сперва погибает человек, который к вам направлялся, а теперь вас проверяют по телефону.

– Кто проверяет? Зачем?!

– Где вы находитесь, какое у вас настроение и ещё мало ли что...

Короче говоря, я теперь послушно и без возражений дождался её у дверей кафе, нервно смоля сигареты одну за другой, и мы поехали на моей машине в ней домой.

Жила Новикова в съёмной двухкомнатной квартире в высотном доме на окраине города. Пока мы поднимались на лифте на шестой этаж, я непрерывно раздумывал о том, что произошло сегодня, и никак не мог отыскать каких-то более или менее правдоподобных объяснений сегодняшним событиям.

– Слежки за нами не было, я пару раз оглядывалась назад, пока мы ехали, – деловито сообщила Новикова, распахивая

дверь квартиры, и я даже усмехнулся про себя: ох и начиталась же девушка детективов!

Квартирка у неё была стандартная, как, впрочем, и любая съёмная жилплощадь, – старая выдавшая виды мебель, требующие побелки стены, плохо закрывающиеся жалюзи на окнах. Много книг на полках и прикроватной тумбочке, и я тотчас пробежал взглядом по корешкам. Детективных романов среди них оказалось, вопреки моим ожиданиям, не так много. Зато много книжек на иврите и на английском языке.

– С утра в университете занимаюсь, – охотно пояснила Новикова, – а детективные романы – это в свободное время. Правда, его почти нет. По вечерам в кафе подрабатываю. А те заработки, на которые вы мне намекали, – ехидно напомнила она, – извините, не практикую!

– Да не обижайтесь на меня! – покраснел я. – Понимаете, был на взводе, ведь не каждый день на твоих глазах человека убивают.

– Ладно, проехали. – Новикова закрыла на ключ входную дверь и прошла в комнату. – Водки у меня нет, значит, будем пить кофе. А пока будем пить кофе, вы мне расскажете свою историю. – Она слегка усмехнулась. – Это будет вашей платой за ночлег.

– Зачем вам это? – протянул я, уже догадываясь, что так легко от этой настырной девицы не избавиться, и она клещами слово за словом вытянет из меня всё, что знаю. – Не по-

нимаю, что происходит. Просто никогда раньше в подобной ситуации не был...

– Всё когда-то происходит в первый раз! – веско заявила Новикова, засыпая кофе в кофеварку и зажигая горелку на плите.

Я устало погрузил своё брэнное тело в единственное кресло, стоявшее посреди комнаты, и принялся очередной раз раздумывать обо всём, что происходило сегодня. Благо, Новикова была пока занята и не отвлекала.

События, происходившие в последнее время, наверняка связаны между собой, но хорошо бы прояснить ещё и причины этих связей. А вот это как раз полная загадка для меня. Начнём сначала. Сашка Гольдман попросил познакомиться с человеком, который изобрёл что-то необычное, и это интересовало, по его словам, целую кучу людей, в том числе, военных. Я это сделал... Хотя сделал ли на самом деле? Это ещё вопрос. Затем он попросил меня встретиться с каким-то мужиком для получения дальнейших инструкций, и этого не произошло. Кто-то неизвестный грохнул мужика перед самой встречей. После чего Сашка больше не выходит на связь. Что из этого следует? Неужели меня втянули в какую-то авантюру, где запросто убивают людей, а я даже не представляю, какова моя роль в этом спектакле? Может, мисс Новикова права, и мне действительно угрожает опасность? Хотя, с другой стороны, грохнут меня – что это изменит? Кому-то от этого станет лучше?

– Ну что, будем строить глазки, – напомнила о себе Новикова, – или приступим к кофе и сказкам на ночь?

Странная манера общаться у этой девицы. Предложила ночлег незнакомому человеку и без всякого стеснения лезет в его проблемы, которые сама же определила как опасные. Начиталась дурацких детективов и захотела в них поиграть? Но ведь я-то как раз этих игр не хочу!

Впрочем, я наверняка сгущаю краски. Завтра всё непременно разрешится. Может, у Сашки Гольдмана сегодня какие-то проблемы, а завтра он разыщет меня, и окажется, что с погибшим человечком произошёл всего лишь несчастный случай, никакой опасности ни для кого нет, а девицам, замороженным детективными романами, самое место подавать салаты в кафе и не лезть туда, куда их не просят...

– Не понимаю, – пробормотал я, – для чего вы пригласили меня к себе? Если хотите поиграть в детективное расследование, то я вам не партнёр. Поздно мне менять род деятельности, да и мозги у меня заточены под другое. Напрасно вы сгущаете краски. Всё гораздо проще, никакой опасности нет. Максимум, я могу на неосвещённой улице расквасить себе нос, наткнувшись на фонарный столб... Вот попыю с вами кофе и, вы уж извините, отправлюсь ночевать к себе домой. Не хочу вас стеснять.

– А убитый?

– Всего лишь случайность. Мало ли гибнет людей под колёсами пьяных или обкуренных водителей?

– А ваш приятель полицейский, который до сих пор не отвечает на звонки?

– У него наверняка сломался сотовый телефон или сдохла батарейка. А сам он сейчас видит третий сон в своей постельке...

– А звонок от неизвестного, который молчал в трубку, наверняка проверяя вас?

– Ошибочка вышла. Вы-то сами никогда не путались в номере номера, особенно вечером при плохом освещении?

– Как у вас всё просто! – вздохнула Новикова и присела на стул, глядя на закипающий на плите кофе.

– Так и быть, – махнул я рукой примирительно, – чтобы у вас не возникало дальнейших иллюзий по поводу моей истории, расскажу всё по порядку. Только учтите, моё решение идти домой неизменно, что бы вы ни подумали по поводу всего этого.

– А вот с этим-то, на вашем месте, я как раз не торопилась бы! – погрозила мне пальцем Новикова.

– Это ещё почему?!

– Есть опасность или нет, пока неизвестно, но дома вы представляете наиболее уязвимую мишень, если кому-то и в самом деле захочется покуситься на вас. Ведь дома вы совершенно один. Семьи же у вас нет.

– Откуда вы знаете? – удивился я её пронизательности.

– Если бы вас кто-то ждал дома, вы бы так легко не согласились поехать со мной. В крайнем случае, позвонили бы

и сообщили, что с вами всё в порядке.

Да, отметил я про себя, чтение детективов для девицы не прошло даром, чему-то она определённо научилась. С женой мы не жили уже больше года. Главная причина нашего расставания заключалась в том, что я был уличён в полной непригодности к реальной жизни, в неумении зарабатывать деньги для обустройства семейного гнёздышка и в упорном нежелании расставаться со своими архаичными убеждениями в преимуществе духовной жизни над материальной. Мне и возразить-то было нечего, жена была права на сто пятьдесят процентов. Посему, едва представился случай перебраться к типу, более подходящему по вышеперечисленным параметрам, она тотчас испарилась, оставив меня в такой же, как у Новиковой, съёмной квартирке, слабо приспособленной для комфортного существования. Единственное различие заключалось в том, что книжек на полках у меня было на порядок больше, а вот самого порядка на порядок меньше.

Я молча взял протянутую чашку кофе и отвернулся к экрану неработающего телевизора. Возразить мне было нечего.

– Ладно уж, хватит дуться, – донеслось до меня, – давайте пить кофе и есть бутерброды.

Я послушно пересел к столу, на котором стояла тарелка с бутербродами, и они пришлись как нельзя кстати. Только сейчас я почувствовал, что, не смотря на салаты в кафе, про-

голодался не на шутку.

– Вы уж простите за любопытство, – ворковала Новикова, тоже уплетая бутерброд за обе щеки, – но я подслушала накануне ваш разговор с полицейским. Знаете ли, такие бурные выяснения отношений услышишь в нашем кафе не часто, потому я и обратила на вас внимание. И даже отчасти поняла, о ком идёт речь.

– Ну, и о ком же?

– О Давиде Бланке.

– Вы о нём знаете?!

– А почему нет? О нём в газетах писали. Мол, изобретает какие-то невиданные устройства с очень широким спектром применения. Даже интервью с ним было, где он хвастался, что его изобретения не имеют аналогов, но способны во многом изменить жизнь человека. Заявление, конечно, громкое, но никаких подробностей он не выдавал. Сказал лишь, что это секрет, которым делиться пока ни с кем не намерен.

– Ого, – удивился я, – вы, милейшая, оказывается, в этом деле более компетентны, чем я! Ну-ка, рассказывайте, что вам ещё известно.

– Ничего мне больше не известно! – Новикова нахмурилась и исподлобья глянула на меня. – Похоже, что не вы мне рассказываете, что происходит, а я вам... Знаете что, давайте прервём беседу и хотя бы несколько часов поспим, а завтра... завтра будет день и будет пицца!

Израиль Август 2011

Наверное, Сашка Гольдман и в самом деле был везунчиком. Даже самые необдуманные и рискованные поступки, которые он совершал, всегда заканчивались благополучно и не приносили ему большого урона. Он уже привык к этому и иногда ловил себя на мысли, что порой перебирает через край. А ведь фортуна – такая капризная дама, что может однажды отвернуться, хотя... пока этого не произошло, нужно брать от неё всё, что само идёт в руки. А после хоть трава не расти...

В Израиле он решил не форсировать события. Всему своё время. Для начала следует выучить язык, и они со Светой заехали за учебники. Никакого спорта, никаких знакомств, развлечений и туристических поездок по стране, только иврит.

Хотя, конечно, без общения трудно. Вот и нашёл себе Сашка приятеля, с которым познакомился в ульпане – курсах, где изучают иврит. Поначалу разговорились в курилке, потом пару раз прошлись по пивку, а потом уже вместе с жёнами устроили скромный пикничок на природе. Звали приятеля Львом, и был он в прежней жизни журналистом, писал и издавал книжки, но славы не снискал, теперь же планировал восхождение на литературные олимпы здесь, в Из-

раиле. Бывший милиционер и бывший журналист сразу выделялись среди улыпановской публики хотя уже бы тем, что имели такие экзотические профессии на фоне стандартных репатриантских – инженеров, зубных врачей, экономистов, музыкантов.

Лев сразу же нахально потребовал жизненных историй из нелёгких милицейских будней, пообещав сострять детектив, в котором главным героем непременно станет прототип Сашки, а Сашке было просто интересно слушать его бесчисленные рассказы, половина из которых наверняка сочинялась тут же на ходу.

После окончания улыпана встречаться они стали реже, а потом и вовсе перестали. Вливаться в голодные журналистские стаи, рыскающие по газетам в поисках подработки, Лев не захотел и подался в охранники, где предался главному увлечению – сочинительству романов. А Сашка, не придумав ничего оригинальней, стал обивать пороги полицейского управления с документами, проходить многочисленные тесты и комиссии, но дело с трудоустройством шло туго.

Каких только причин не выдумывало полицейское начальство, чтобы не брать на службу этого подтянутого «русского», демонстрирующего грамоты и медали за спортивные успехи, с безупречной репутацией и хорошим послужным списком на прежней родине. Всё у него было в порядке, но... что-то настораживало. Чувствовалась в Сашке какая-то нехарактерная для местной публики энергия и даже

не отсутствие желания, в просто неумение жить в замедленном восточном ритме под чашечку кофе и нескончаемо-цветастый трёп ни о чём. Пару раз причиной отказа являлся слабый иврит. После этого Сашка злой, как оса, возвращался на свою скромную съёмную квартирку и вновь усаживался за учебники с утра до ночи, бессонно пялил глаза в экран телевизора, выуживая в ивритских передачах не столько новые словечки, сколько манеру общения и поведения. То, что ему не давалось и вызывало подспудное отторжение, – так называемая восточная ментальность.

Но любые стены рано или поздно пробиваются: его, наконец, взяли рядовым полицейским. Наступило это лишь тогда, когда он уяснил главный израильский, а, может, и не только израильский принцип: не выделяйся из общей массы, и тебя заметят, похвалят, продвинут дальше. Сашка научился общаться со своими новыми коллегами-полицейскими на «левантийский» манер: с аппетитом есть фалафель и пить кофе, демонстративно пожирать глазами любую проходящую мимо женщину, услужливо гнуть спину перед начальником и хамить тем, кто не навредит твоей карьере. Притом разобрался, что успехи на работе определяются вовсе не количеством пойманных бандитов, а отношением к тебе начальства... Ах, как это было противно ему! Но он выжидал, когда с этим можно будет покончить, хотя был далеко не первым и не последним, кого эта трясина засасывала и выбраться из неё уже не было возможности.

Света тоже нашла работу. Сперва с пенсионерами в ветеранском клубе, а потом с детишками в спортивной школе она стала заниматься модной аэробикой. Заработок у неё был, конечно, небольшой, зато работа нравилась, и не приходилось так же, как мужу, выматываться в конце дня не столько от трудов, сколько от общения с коллегами.

Скоро они купили себе квартиру и зажили, как все нормальные люди, твёрдо стоящие на ногах и не растягивающие жалкие гроши от зарплаты до зарплаты. Сашка даже возобновил встречи со Львом, правда, нечасто, но каждая встреча была ему приятна и, наверное, необходима хотя бы потому, что не нужно надевать надоевшую личину аборигена, а можно побыть самим собой, каким он был до приезда сюда.

– Как поживает обещанный роман обо мне? – смеясь, спрашивал Сашка. – Я тебе, помнится, столько всего рассказал, что на пять романов хватит. Выходит, впустую напрягался и выдавал служебные секреты?

Лев улыбался и отмахивался:

– Столько сюжетов подбрасывает наша суровая израильская действительность, что сам себе удивляюсь – какие воспоминания? Хоть у меня в охране и полно времени, чтобы писать, и мы таки пишем, но как-то руки не доходят до ваших волшебных детективных сказок, уважаемая полицейская Шахерезада!

– Гляди, привлеку к ответственности за обман государства в лице полицейского Гольдмана!..

Со временем Сашку перевели из рядовых полицейских в отдел уголовных расследований. И хоть работа была знаковой и мало чем отличалась от той, что он занимался прежде, желанного душевного комфорта не наступало. Те же взбучки от начальства за несвоевременное оформление бумаг, та же спешка в закрытии дел, только бы не портить статистику... Словно никуда не уезжал! Надо не обращать на это внимания, убеждал он себя, нужно привыкнуть и довести всё до автоматизма. И тогда будет... наверное, будет легче. Нужно набраться терпения, терпения и ещё раз терпения...

А тут нарисовалась и первая серьёзная неприятность. Притом настолько серьёзная, что голова кругом пошла. Началось всё со Светы. На одном из занятий в спортивный зал ввалилось трое пятнадцатилетних оболтусов поглазеть на красивых девочек. Ну, пришли поглазеть – сядьте в сторонке и любуйтесь, но оболтусам этого было мало. Когда один из них швырнул в зал банку из-под пива, Света, недолго думая, схватила его за ухо и попыталась вывести. А они, казалось, только и ждали скандала: принялись избивать Свету, и, конечно же, справиться с троими она уже не могла. Хорошо, что прибежал охранник и отогнал от лежащей на полу Светы разгорячённых негодяев, которых сам же и пропустил в зал поглазеть на девочек. Пришлось вызывать «скорую помощь», и два дня Света провела в больнице.

О случившемся с женой Сашка узнал только вечером. Из больницы он вышел сам не свой. Разыскав среди ночи

дом, в котором жил охранник, он выволок того из постели и стал выпытывать адреса юнцов. Его не остановили угрозы охранника, что отец одного из них большой начальник в мэрии. Сашка видел, как охранник дрожал от страха, но в глазах его всё равно горел злой огонёк, мол, ничего ты, коп, со мной не сделаешь, а вот папаша юнца, если выдам, где он живёт, – ещё вопрос... Плюнув в сердцах, Сашка отвесил охраннику пару тумачков и уехал.

И ведь отлично же знал, что по закону даже пальцем нельзя тронуть самого закоренелого убийцу, если твоей жизни не угрожает непосредственная опасность. Преступники об этом знают и сразу строчат жалобы на своих обидчиков. Что утром написал охранник в своём заявлении, Сашка так и не узнал, но начальство тотчас предложило ему или сдать удостоверение и оружие, или жалоба дойдёт до суда. Тем более, под жалобой, которая лежала у него на столе, оказалась подпись не только охранника, но ещё и папаша одного из юнцов – начальника какого-то из отделов в мэрии.

О том, что его выгнали из полиции, Сашка рассказывать жене пока не решался. Да и мстить обидчикам уже не хотелось. Но не потому, что он боялся обещанного суда, просто что-то уже перегорело в душе. Оставалась обида не столько на них, сколько на себя и на дурацкую ситуацию, в мгновение ока изменившую жизнь. И ведь поступить иначе он не мог. Сколько раз он прокручивал в голове, как бы поступил, если бы всё-таки вытащил из охранника адреса подвы-

пивших юнцов! Мастер спорта, да ещё одержимый жаждой отомстить за любимую супругу, элементарно свернул бы им шею в ту ночь...

Каждое утро он, как всегда, выходил из дома и отправлялся, куда глаза глядят. Полицейскую форму он почти не одевал, сообщив жене, что может работать и без неё. Весь день бродил по улицам, сидел в кафе, но почти ничего не заказывал, потому что деньги были на исходе, а заработать их было пока негде.

И вот однажды в его кармане зазвонил сотовый телефон. Без особого желания он поднёс к уху трубку и услышал вежливый баритон, который проговорил по-русски:

– Извините, я разговариваю с Александром Гольдманом?

– Да. А вы кто?

– Меня просили передать вам привет от Василия Степановича.

Первый момент Сашка опешил. Прошло уже пятнадцать лет с момента его приезда сюда, и он почти забыл о разговоре с гебешником в кабинете полковника Горбатенко. Он даже не сразу вспомнил, кто такой Василий Степанович. Но его, как видно, не забыли. Если бы Сашка по-прежнему работал в полиции, он моментально ответил бы, что его собеседник ошибся и прервал бы разговор, но сейчас... Сейчас ему было на всё наплевать.

– Слушаю. – Сашка вздохнул и, на всякий случай, прибавил: – Только у меня сейчас мало времени...

– Я не займу много времени, – охотно поддержал его голос в трубке, – но, может, нам лучше встретиться? Где и когда вам удобно?

Что-то подобное Сашка себе представлял и понимал, что если уж его нашли, то встречи не избежать. На всякий случай он пробормотал:

– Понимаете, сейчас я занят, и в ближайшее время у меня не будет возможности вырваться даже на минуту. Вы уж извините...

– Да что вы говорите! – рассмеялся баритон. – И чем же вы сейчас заняты? Ведь вы, как я знаю, уже не работаете в полиции. Я не ошибаюсь?

Оказывается, незнакомец успел выяснить о нём всё – не только номер телефона, который он, кстати, поменял совсем недавно, но и знал о его неприятностях, о которых не ведал никто из знакомых. Неужели для этих гебешных ребят нет вообще никаких преград, и они проникают повсюду, куда им надо? Что же им потребовалось от отставного полицейского?

– Хорошо. – Сашка решил, что если встречи не избежать, то лучше всего, по возможности, отказаться от всех предложений, а если и придётся что-то пообещать, то ничего в итоге не делать. А потом станет ясно, что толку от него мало, и от него отвяжутся. – Вы откуда звоните?

– Какая разница! Я подъеду в любое место, которое укажете.

Сашка немного подумал и решил, что лучше всего встретиться в парке, где народу днём почти нет, так что попасться на глаза кому-то из знакомых вероятность ниже.

– Городской парк. Пройдёте по дорожке до теннисного корта, а за ним есть лавки. Там и встретимся. Сегодня в четыре. Вас устраивает?

– Без проблем... – В трубке раздались короткие гудки.

Сашка даже не успел спросить, как он узнает того, кто придёт на встречу. Им нужно – пускай сами ломают голову. А он явится ровно в четыре, просидит на скамейке пятнадцать минут и ни минутой больше, а потом уйдёт, если человек задержится. И телефон выключит.

До четырёх ещё времени было достаточно, и Сашка принялся бесцельно бродить по городу, постоянно раздумывая о том, что же от него могло понадобиться. Если добыть что-то из полицейской компьютерной базы, то он этого не сможет. Да и раньше, когда работал в полиции, не мог. Любой вход в компьютерную базу регистрировался, и могли возникнуть ненужные вопросы. А к большинству файлов вообще нужны соответствующие коды, которых у него не было... Нет, этим людям нужно что-то другое, но что?

По дороге в парк Сашка купил банку с пивом и, не пряча её в карман, направился к теннисному корту. Пускай посторонние думают, что пришёл мужичок расслабиться, посидеть в тени и выпить пивка. А заодно показать тем, с кем он должен встретиться, что всерьёз воспринимать их пред-

ложения не намерен. Поглядев на часы, он уселся на скамейку в тени под деревом и откупорил пиво.

Долго ждать не пришлось. На дорожке показался невысокий худощавый мужичок в белой рубашке и серых брючках, напрямик спешащий к Сашке. Вот и резидент российской разведки, невесело подумал Сашка и отхлебнул пива, сейчас из-за кустов выскочат наши ребята в штатском и всех повяжут. А потом по телевизору в новостях заявят, мол, слава израильским спецслужбам...

– Здравствуйте, Александр Борисович! – Мужичок слегка запыхался. Чувствовалось, что жару он переносит не очень хорошо. – Это я вам звонил. Меня зовут Вадимом. Вадимом Александровичем...

По имени-отчеству Сашку никто не называл последние пятнадцать лет, поэтому он поначалу смутился, потом всё же потянул руку и жестом предложил мужичку присесть рядом.

– Василий Степанович, ваш бывший шеф, передаёт вам привет, – повторил Вадим и внимательно поглядел на Сашку.

– Как он? Небось, совсем постарел?

– Вас это и в самом деле интересует? – усмехнулся Вадим.

– Вы правы, – кивнул Сашка и сделал ещё глоток. – Итак, что вы от меня хотите? Учтите, что согласие помогать вам я не давал, меня вынудили. Впрочем, вам это наверняка известно. Так что большим желанием шпионить за кем-то не горю...

– Я это знаю и в шпионы вас не вербую. Тем более, и возможностей у вас сейчас никаких нет. Хотя, честно говоря, и раньше, когда вы работали в российской милиции, а потом в здешней полиции, было немного... А хочу я попросить вас об одной маленькой услуге.

– Валяйте. – Сашка уже приготовился дать отпор и придумать какую-нибудь причину, мешающую выполнить даже самое крохотное поручение. Но Вадим, видимо, не собирался вдаваться в долгие дискуссии и сразу взял быка за рога:

– Вам знакомо имя Давида Бланка?

– Первый раз слышу.

– Так уж и первый! И вы к нему в поселение ни разу не ездили с полицией?

Конечно же, Сашка хорошо помнил, как полгода назад его единственного, кто разговаривал в управлении по-русски, отправили с полицейской группой в поселение под Хевроном, чтобы выяснить, кто такой этот загадочный «русский», купивший там дом и занимающийся какими-то странными вещами, о чём даже писали в газетах. Более конкретных причин не объяснили, но этого и не требовалось. Требовалось лишь побывать у него дома и выяснить, на какие средства существует и чем дышит. Поездка оказалась неудачной, потому что уже у самого дома всем стало неожиданно плохо, тело невыносимо зудело и чесалось, а в какой-то момент каждого словно опалило жаром и отбросило назад. Все тогда вернулись к машине, не зная, что предпринять, но идти снова

к дому никто не решился. Так они тогда и уехали ни с чем. Насколько Сашка помнил, была ещё одна попытка проникнуть в дом этого загадочного Бланка, но Сашка в ней уже не участвовал.

– Ну, предположим, ездил. Если вы осведомлены об этом, то должны знать, что поездка была неудачной.

– Осведомлены. Но нам хотелось бы всё равно установить с ним контакт. Конечно, не на официальном уровне, как вы пытались раньше. Ведь он наш бывший гражданин, и, может быть, с соотечественником у него сложатся более тёплые отношения. А выяснить требуется совсем малость: как он устроился, с кем вместе живёт, на какие средства существует, чем занимается, какие у него планы на будущее. Никаких шпионских поручений.

– И всего-то? Я очень сомневаюсь, что это получится.

– Тогда найдите кого-то, у кого получится.

– А самим попробовать?

– Рисковать не хочется. Хочется, чтобы этим занялся человек из местных, которого он не станет опасаться. Вы, например... Ну, если не сами, то кто-то, кто, по вашему мнению, с этим справится.

– Для чего вам это? Вы же понимаете, что такими поисками так или иначе подставляете меня и себя. Начнутся вопросы, кто-то наверняка поинтересуется, зачем я это делаю, ведь уже не работаю в полиции...

Вадим глянул на часы и встал со скамейки:

– У меня очень мало времени, нужно до вечерних пробок на дорогах вернуться в Тель-Авив... Ну что, согласны?

– Не знаю. Не уверен...

– Кстати, – спохватился Вадим, – любая работа оплачивается. Если согласны, то вот вам аванс... И пойдёмте к моей машине. Там вы напишете расписку, что получили деньги, и я дам кое-какие приборчики для удобства вашей будущей работы...

– Какие приборчики?!

– Например, микрофон на булавке, чтобы вы могли слушать, о чём беседует с Давидом Бланком посланный вами человек, магнитофон для записи разговора...

Он вытащил из кармана брюк пять купюр по двести шекелей и помахал ими в воздухе. Сашкина рука невольно потянулась за ними. Для него это сейчас огромные деньги. Такие огромные, что даже представить невозможно.

Израиль Сентябрь 2011

Я долго вертелся на неудобном продавленном диване в углу салона и всё разглядывал, как в окне под порывами ветра подрагивают разболтанные пластины жалюзи. Размышлять ни о чём не хотелось, а хотелось просто вырубиться и заснуть, но... не получалось. И причина была вовсе не в диване. Я прислушивался, как за стенкой в своей спальне Новикова расхаживает из угла в угол и тоже не ложится спать.

Ну, я-то ладно, меня в эту историю втравил Сашка Гольдман, чтоб ему пусто было! А она – с какого бока-припёка? Однообразные серые будни достали девушку, и захотелось чего остренького, с выстрелами и погонями? Только вся эта галиматъя лишь в книжках да кино красиво выглядит. Когда возникает реальная возможность получить по голове, чего она, кстати, не отвергает, всё приобретает совсем другую окраску. Любая киношная детективная история рано или поздно заканчивается счастливым финалом, а тут вполне можно до финала и не дотянуть...

– Спите? – донёсся до меня тихий голос Новиковой.

– Нет. Всё никак не могу понять, для чего вам всё это? Создаётся впечатление, что у вас нет вообще никаких проблем, и вы ищете приключения на содержимое ваших джин-

сов со скуки! Я угадал?

Новикова оставила мою очередную бестактность без внимания, а незамедлительно показалось из своей спальни и присела на стул рядом с диваном.

– В чём-то вы правы. С одной стороны, признаюсь, и в самом деле душа истосковалась по драйву, а с другой стороны, газетные статьи о Давиде Бланке любому голову вскружат. Ведь проскользнуло же там, что он при помощи своего открытия побеждает все болезни без исключения, но к консультациям и помощи медиков прибегать не хочет. Авантюрист, у которого крышу напрочь снесло, или гений, уверенный в своих силах? Вы встречали что-то подобное? Воздействовать, говорит, нужно не на болезнь, а на её первопричину, и это проблема вовсе не врачебного плана, а чего-то другого, более всеобъемлющего. Но – чего? Дождитесь, говорит, результатов, а потом делайте выводы.

– Так и сказал? – заинтересовался я. – И много об этом Давиде вы прочитали в прессе?

– Мало. Две-три статьи, которые попались мне на глаза, а потом и вовсе всё прекратилось. Словно кто-то запретил писать о нём, что не характерно для наших журналюг, которым только дай коготком зацепиться, потом никакими кляпами рот не заткнёшь.

Я встал с дивана и задумчиво прошёлся вокруг сидящей на стуле Новиковой.

– И нигде не было упоминаний о сути его изобретений?

– Он намекнул, что это очень просто и доступно, потому и не хочет ни о чём говорить... Я его прекрасно понимаю: выдай он свои секреты миру, его тут же кинут – принцип стянут, а потом доказывай, что это твоё. И ни копейки с этого не поймееет...

– Разве можно такие вещи, как здоровье, переводить на деньги? – возмутился я.

– К сожалению, сегодня можно, – вздохнула Новикова. – Или вы забыли, в каком мы мире живём?

После некоторого молчания я спросил:

– И всё равно не понимаю, чем вызван ваш интерес к этому доморощенному кулибину? Не деньгами же?

Девушка лукаво глянула на меня и выдала со смехом:

– Поначалу мне казалось, что история с Давидом Бланком – это да, интересно, любопытно, но не более того. Пройдёт какое-то время, и всё позабудется, как многие другие газетные сенсации. А вчера выяснилось, что вон какие страсти вокруг него кипят – кто-то это расследует, люди гибнут... Как пройти мимо? Ведь вы же интересуетесь всем этим наверняка не по личной инициативе, так? И ваш приятель полицейский...

– Ну да. Полиция, налоговая служба, – начал раскрывать я карты, – и, говорят, не только они... Налоговая – это понятно, они везде нос суют и вынюхивают, где можно денег срубить. А полиция просто по статусу обязана быть там, где возникают непонятки.

– Надеюсь, вы уже поняли, что и налоговая, и полиция – это только ширма. За ними стоит кто-то более серьёзный, кому нужны секреты Давида. – Выдав эту тираду, Новикова внимательно посмотрела на меня. – Один вопрос я до конца для себя не прояснила. Какое ко всему этому отношение имеете вы? Почему именно вокруг вас закрутилась непонятная карусель с убитым мужчиной и странными телефонными звонками?

– Не догадываетесь? – горько усмехнулся я. – Вы же такая проницательная!

Новикова минуту раздумывала, даже почесала нос, потом предположила:

– Вы наверняка что-то знаете. Вы с Бланком встречались? Я угадала?

Последние её слова неприятно резанули меня. Выходит, девушка, практически ничего не зная, сумела просчитать меня и всё разложить по полочкам. А я ломаю голову и уже начинаю побаиваться собственной тени.

– В общем, так. – Я решительно встал и потянулся за курткой. – Охота за бриллиантами закончена. Мне это всё надоело пуще пареной репы, я выхожу из игры, а вы, милейшая мисс Марпл, если этим интересуетесь, продолжайте без меня. Хотя не советую. Спасибо за кофе, бутерброды и гостеприимство, я ухожу домой. Мне утром нужно на работу, а выспаться я могу только дома. Уж извините...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.